

ПАЛАНТИР

зима
2009
№57

журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

:i ṛṭṛṛṛṛṛ :
: i ṛṛṛṛ ṛṭṛṛṛṛṛ ḶḶṛṫṫṫṫ Ḷṛṛṛṛṛṛṛṫṫṫṫ :

Сергей Беляков. Отражение астрономических познаний Толкина в его творчестве 4
Мария Семенихина. О Келеборне и Ундине 17
Юрий Колесников. «ВЕКОВЕЧНЫЕ ПЕСНОПЕВЦЫ»: сопоставление образов Вьяньямейнена и Тома Бомбадила. 30
Кеменкири (Е.Ю. Лебедева) Куда уходит Мелиан? 41
 Переводы наших читателей. VI. Квэнта Сильмариллион. Заключение. Перевод **Николая Радостина.** 54

На последней странице - работа **Моргул** “Два Древа”

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 57 зима 2009
 ЖУРНАЛ
 ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:
Мария Семенихина, Золтан Бардинг, Моргул, Ари

Наш адрес: 197110, Россия, СПб, ул. Б.Зеленина 15-33
E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru

Наш сайт: WWW.TOLKIEN.SPB.RU

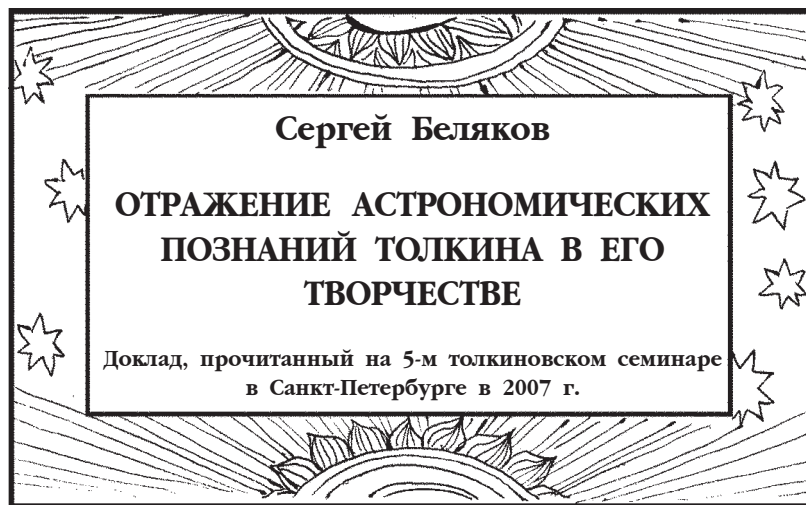
Copyright (c) 1997-2009, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Просим присылать файлы только в формате RTF, все сноски делать отдельным текстом, диакритику выделять цветом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Во многих произведениях художественной литературы встречаются описания разнообразных астрономических явлений. В этих описаниях, в зависимости от компетенции автора, могут встречаться ошибки, разрушающие “достоверность вторичного мира”, созданного писателем. Как один из примеров укажем книгу В. Лепилова “Литература и астрономия” (Астрахань, 1991), в которой автор критически рассматривает астрономические фрагменты в основном из произведений русских и советских классиков.

Как известно, Дж.Р.Р. Толкин с детства интересовался астрономией. Об этом он пишет в эссе “О волшебных сказках”:

*“В те (я едва не написал “счастливые” или “золотые”; а на самом-то деле горькие и тяжкие) времена мне нравилось еще много чего другого - ничуть не меньше, а то и больше: например, история, астрономия, ботаника, грамматика и этимология”*¹.

Почти то же самое Толкин повторяет в небольшой заметке, опубликованной в сборнике “Приступы вкуса”:

*“В подростковом возрасте меня больше привлекали научные издания, особенно по ботанике и астрономии”*².

Дочь Толкина Присцилла также вспоминает о глубоком интересе отца к астрономии; о том, как отец побуждал ее саму и ее братьев расширять круг своих увлечений, о телескопе, подаренном Кристоферу, и как они изучали через него звезды, о том, как отец рассказывал детям о затмениях солнца и луны, о планетах и их спутниках³.

Не удивительно, что Толкин использовал свои астрономические познания при написании текстов, относящихся к “ардическому циклу” и не только. Насколько объективно глубоки были его познания в астрономии, судить сложно, в связи с недостатком информации, например, о программах школьных и студенческих курсов астрономии начала XX века. Но известно, что он

умел пользоваться астрономическими таблицами⁴, мог делать несложные расчеты и следил за текущими астрономическими явлениями (к примеру, можно упомянуть о лунном затмении 8 декабря 1927 года в сказке “Роверандом”⁵). Поэтому какие-то выводы о глубине астрономических знаний мы можем строить лишь на анализе имеющихся текстов.

Толкин с присущей ему текстовой педантичностью использовал в своих книгах астрономию для придания большей достоверности и реалистичности описываемым событиям. Особое внимание Толкин уделял этому вопросу при написании “Властелина Колец”. Но безупречны ли эти фрагменты?

Исследователи творчества Толкина акцентируются в основном на фазах и видимости луны, календарях как таковых (календарная проблема относится к астрономическим) или названиях небесных тел и созвездий, а остальные явления, за редким исключением картин звездного неба, практически не рассматривают. Однако луной, календарями и созвездиями всё богатство астрономических явлений в книгах Толкина не исчерпывается.

Оставим в стороне космологические мифы о происхождении Солнца, Луны⁶, Венеры, звезд и их движении, философские воззрения на место Земли-Арды в космосе, а также хорошо изученную луну во “Властелине Колец” (известно, что Толкин переделывал целые главы ради согласования фаз и времени восходов луны).

В настоящей статье будет рассмотрено только несколько явлений, которые явно или скрыто встречаются на страницах “Властелина Колец”, “Хоббита”, “Неоконченных преданий”, а также на рисунках Толкина. Понятно, что статья не рассчитана на астрономов-специалистов, поэтому

вдаваться в термины и жонглировать ими мы не станем. Но и упрощать до предела - тоже. Надеемся, что читатель еще помнит школьный курс астрономии и в силах отличить планету Марс от одноименного шоколадного батончика.

Для начала необходимо определить географические координаты местностей, где происходят ключевые для нас события. Немецкий исследователь Андреас Мён убедительно показал⁷, что карта Средиземья имеет псевдоцилиндрическую проекцию, что позволяет довольно точно наложить на карту координатную сетку. Основные реперные точки указаны самим Толкином в письме 294:

“Если Хоббитон и Ривенделл расположены (как предполагается) приблизительно на широте Оксфорда, тогда Минас Тирит, шестьюстами мильями южнее, находится примерно на широте Флоренции. А устья Андуина и древний город Пеларгир - приблизительно на широте древней Трои”⁸.

Итак, нам важно, что Эребор находится на широте 54 градуса, Лориэн - 48 градусов, широта одной из излучин Андуина составляет 47 градусов, Ирисная низина расположена на 51 градусе северной широты, а Ривенделл и Хоббитон - на 52-м.

1) Наклон эклиптики к горизонту и видимость небесных тел.

а) Видимость луны в День Дурина 11 ноября 2941 г. Третьей Эпохи (далее ТЭ).

В главе 11 “Хоббита”, когда Бильбо и гномы сидели вечером на высокой площадке Одинокой горы и думали, как проникнуть в ее чрево, говорится:

“Огромный оранжевый шар [солнца] оказался почти на уровне глаз Бильбо. Хоббит подошел к краю площадки и над самым горизонтом увидел молодой месяц, тонкий и бледный” ⁹.

Затем говорится, что месяц коснулся горизонта почти вместе с солнцем, а затем оба светила скрылись одновременно.

В этом фрагменте описана неомения (т.е. первая видимость лунного серпа после новолуния) за полтора месяца до зимнего солнцестояния. Причем по описанию луна была “низкой”, т.е. располагалась южнее эклиптики. Новолуние в 2941 г. ТЭ, согласно расчетам, приведенным в статье автора “Принципы реконструкции хронологии событий на примере книги “Хоббит”” ¹⁰, приходилось на 8 ноября. Неомения могла наблюдаться на широте Эребора (54 градуса северной широты) только на третий день. Так как солнце в этот день имеет азимут захода запад-юго-запад, а у эклиптики позднесенним вечером малый угол наклона к горизонту, луна в силу достаточно большой элонгации (около 40 градусов) могла наблюдаться у самого горизонта на азимуте юго-юго-запад¹¹. Однако на карте Трора, где обозначены направления на страны света, мы видим, что по азимуту юго-юго-запад площадку отделяет от горизонта высокий горный отрог. Поэтому сомнительно, что Бильбо смог увидеть заходящую луну. Впрочем, слово автора - закон. Поверим Толкину, ибо в остальном он верно описал “низкую” позднесеннюю неомению.

б) Весенняя видимость Венеры 15 февраля 3019 г. ТЭ¹².

В главе 7 второй книги 1-го тома “Властелина Колец”, где описывается вечерний диалог Фродо и Галадриэли у Зеркала, говорится, что на небе уже появились звезды, то есть наступили глубокие сумерки, а высоко на западе засияла Вечерняя Звезда - планета Венера:

“...И так ярк был ее свет, что фигура эльфийской Владычицы отбросила на землю бледную тень” ¹³.

Действительно, во время наибольших элонгаций Венера достигает такой яркости, что возникают тени от предметов. С точки зрения астрономии данный отрывок очень верно описывает вечернюю видимость Венеры. Дело в том, что наилучшее время наблюдения этой планеты

вечером - с февраля по апрель, когда эклиптика на средних широтах (48 градусов для Лориэна) имеет наибольший угол к горизонту. Моделирование показывает, что высота Венеры над горизонтом в это время могла достигать 30 градусов, то есть Венера вполне могла наблюдаться над верхушками деревьев, а ее яркости (минус 4,5) было достаточно для образования теней.

в) Видимость Луны на Андуне 23 февраля 3019 г. ТЭ.

В главе 9 второй книги 1-го тома “Властелина Колец” говорится, что когда отряд плыл в лодках по Андуну, в небе на западе был виден тонкий белый серп молодого месяца - была неомения¹⁴. Это случилось 23 февраля 3019 года. У. Хэммонд и К. Скалл в “Reader’s Companion”¹⁵, ссылаясь на рукописные хронологические таблицы Толкина, утверждают, что новолуние было 22 февраля. Возникает вопрос: могли бы члены Отряда увидеть луну на следующий день после новолуния на широте 47 градусов? Вполне, что подтверждается моделированием. Как указывалось выше, в это время года вечером на западе эклиптика, вдоль которой движется по небу луна, имеет наибольший угол к горизонту, около 60 градусов. И тонкий серп луны действительно мог быть виден уже на следующий день после новолуния, при элонгации около 15 градусов. И в этот раз астрономическая картина описана корректно.

2) Продолжительность светового дня на разных широтах.

Рассмотрим отрывок из авторского примечания 9 к тексту “Поражение в Ирисной низине” в “Неоконченных преданиях”:

“В день гибели отряда на широте Имладриса (которой они почти достигли) световой день на открытой местности длился одиннадцать часов, а в середине зимы [в оригинале - день зимнего солнцестояния] - менее восьми”¹⁶.

Имладрис (Ривенделл) расположен, как мы выяснили, на широте 52 градуса. Световой день на этой параллели в момент зимнего солнцестояния действительно длится менее восьми часов, точнее - около 7 ч 45 мин. Относительно же 11 часов Толкин немного напутал.

День гибели отряда, согласно тексту “Поражения” - 30-й день пути, то есть 4-й день месяца нарквелиэ (нарбелет) (в прим. 9 сказано, что отряд Исильдура вышел в путь в 5-й день месяца йаванниэ (иваннет)), или 26 сентября в пересчете на наш календарь¹⁷. Но 26 сентября на широте 52 градуса продолжительность светового дня составляет без нескольких минут 12 часов (прошло 3 дня после осеннего равноденствия). Предположим, что Толкин забыл про разницу между Королевским счислением и григорианским календарем и 4-й день нарквелиэ принял как соответствующий нашему 4 октября. Но и в этот день светлое время суток длится 11 ч 30 мин вместо указанных 11 часов. Долгота дня 11 часов бывает лишь 10 октября (или 19 нарквелиэ). Но этот день никак не отражен в тексте (есть еще только один точно указанный день - 15-й день месяца нарбелет (нарквелиэ), но в этот день, 6 октября, долгота дня равна 11 ч 20 мин). Следовательно, в данном случае мы видим явную ошибку в толкиновских расчетах.

Но, может, еще есть возможность разгадать эту загадку? Дело в том, что параметры орбиты Земли постепенно меняются (эксцентриситет, линия апсид и т.д.), поэтому продолжительность времен года не постоянна. Если, например, сейчас астрономическая осень (от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния) длится около 90 суток, то 5 тысяч лет назад она длилась 88,6 суток. Согласно расчетам, начало Третьей Эпохи отстоит от нашего времени на 10 тысяч лет (около 8000 лет до н.э.)¹⁸. В то время астрономическая осень имела продолжительность около 92 суток. То есть осеннее равноденствие наблюдалось на 2 дня раньше современного, если зафиксировать дату зимнего солнцестояния. Следовательно, долгота дня 4 нарбелета будет равна долготе дня современного 30 сентября. Но и этот день далек от 10 октября. Еще одна попытка не увенчалась успехом. К тому же вряд ли Толкин знал о такой астрономической тонкости, как тысячелетние изменения длительности сезонов.

3) Прецессия.

В главе 3 первой книги 1-го тома “Властелина Колец” есть замечательная картина звездного неба, многократно исследованная на предмет отождествления звезды Боргиль. Кристина Ларсен убедительно и окончательно доказала, что Боргиль - это Альдебаран, альфа Тельца¹⁹. Итак, читаем:

*“Высоко на востоке покачивалось в небе созвездие Реммират - Звездная Сеть, а над туманами медленно вставал красный Боргиль, разгораясь, как огненный рубин. Подул ветер, развеялись последние остатки тумана, и взору открылся Небесный Воин, опирающийся мечом о край земли, - великан Менельвагор, опоясанный блистающим поясом”*²⁰.

Упомянутые объекты имеют авторское отождествление (кроме Боргиля). Так, Реммират - звездное скопление Плеяды²¹, а Менельвагор - созвездие Ориона с его знаменитым Поясом²².

Действие происходит около полуночи 24 сентября 3018 г. ТЭ, что соответствует нашему 16 сентября. Действительно, моделирование показывает очень красивую картину: высоко на востоке, чуть к югу, видны Плеяды, под ними Гиады с ярким оранжево-красным Альдебараном, а еще ниже, у горизонта, - созвездие Ориона.

Но такая картина может наблюдаться только в наши дни. Из-за явления прецессии (конусовидного движения земной оси с периодом около 26 тысяч лет) звездное небо как бы медленно поворачивается. И те звезды, которые мы видим осенней ночью, через 13 тысяч лет будут видны ночью весенней. Так как действие “Властелина Колец”, как неоднократно в своих письмах утверждал Толкин²³, происходит на нашей Земле, под нашими небесами с нашей луной, только в воображаемом прошлом с воображаемой географией, следует принять, что явление прецессии, которое обуславливается гравитацией Солнца

и Луны, присущие и Арде-Земле, описанной в текстах “ардического цикла”. Промежуток времени, отделяющий воображаемые события конца Третьей Эпохи от настоящего известен. Он составляет по Толкину 6-8 тысяч лет (согласно расчетам автора - около 7000 лет)²⁴. Какова же картина звездного неба была 7 тысяч лет назад около полуночи в середине тропического сентября? Она существенно отличалась. Высоко на востоке располагалось созвездие Льва, а ниже него восходило созвездие Девы. Орион же был в южной стороне неба у самого горизонта. Точка осеннего равноденствия располагалась в созвездии Стрельца.

Таким образом, Толкин изобразил современную картину неба без учета прецессии²⁵. Вероятно, он не задумывался об этом явлении для уточнения видимости созвездий, либо просто не мог рассчитать положения созвездий точно (для середины прошлого века это довольно сложная и трудоемкая задача, сейчас она легко реализуется с помощью компьютерной техники).

4) Длительность тропического года и календари.

Проблема построения точного и удобного календаря относится к астрономическим проблемам. У Толкина представлены две основные календарные системы, привязанные к тропическому году. Первая - Королевское счисление и его различные варианты (Наместническое, Ширское, Новое). Второе - Календарь Имладриса. Все они, несмотря на разные способы високосов, продолжительность недель, месяцев и сезонов, довольно точны и удобны (можно добавить - “симметричны”). Системы високосов, то есть добавление или изъятие дней, чтобы календарный год не сильно расходился с годом тропическим, основаны на принятом Толкином значении продолжительности тропического года в 365 дней 5 часов 48 минут 46 секунд (Приложение Г к “Властелину Колец”), то есть его современном значении. Толкин оговаривал, что, “хотя времена, о которых идет речь, по человеческим меркам могут считаться весьма от нас отдаленными, для Земли это не такая уж глубокая древность”²⁶. Это можно понимать как намек на то, что Толкин знал об изменении длины тропического года во времени.

Из-за приливного действия Луны и Солнца вращение Земли постепенно замедляется, продолжительность суток увеличивается. В году укладывается все меньшее число суток. Зависимость выражается следующей формулой²⁷:

$$1 \text{ троп. год} = 365,24219878 - 0,00000014 (T - 1900) \text{ средн. солн. сут.}$$

Здесь T - год в астрономическом счислении. Сейчас в тропическом году укладывается 365 дней 5 часов 48 минут 45 секунд. Пять тысяч лет назад тропический год насчитывал 365 дней 5 часов 49 минут 45 секунд. Вроде бы разница небольшая, всего одна минута, однако за прошедшие 5000 лет мы потеряли сутки!

Теперь рассчитаем продолжительность тропического года в 11500-м и 8000-м годах до н.э. (приблизительное начало Второй и Третьей Эпох²⁸). Следует заметить, что для таких давних времен с формулой надо обращаться аккуратно и указывать точность полученных значений до разумных пределов.

$$1 \text{ троп. год} (-11500) = 365,24407 \text{ сут., или } 365 \text{ дней } 5 \text{ часов } 51 \text{ минута } 28 \text{ секунд.}$$

$$1 \text{ троп. год} (-8000) = 365,24358 \text{ сут., или } 365 \text{ дней } 5 \text{ часов } 50 \text{ минут } 46 \text{ секунд.}$$

Продолжительность календарного года в Королевском счислении составляла 365,242 суток (365 дней 5 часов 48 минут 29 секунд)²⁹; обычный год насчитывал 365 дней, каждый четвертый год, кроме последнего в столетии, добавлялся еще один день, а раз в тысячу лет добавлялось 2 дня - но не один, так как только двумя днями можно объяснить “тысячелетнюю погрешность” в 4 часа 46 минут 40 секунд и указанную Толкином в письме 176 точность нумерского календаря в 17,2 секунд³⁰.

Продолжительность года в Календаре Имладриса составляла 365,24306 суток (365 дней 5 часов 50 минут)³¹; обычный год насчитывал 365 дней, каждый двенадцатый год, кроме последнего каждого третьего йена (432-го года), добавлялись 3 дня.

Как видим, мало того, что принятые и описанные Толкином системы високосов в средиземских календарях не могли помочь в согласовании календарного года с годом тропическим, эти системы попросту не могли работать на протяжении многих тысячелетий - необходимо было подстраиваться под изменяющуюся длину тропического года.

Поэтому заявленная Толкином более высокая точность нумерского календаря сравнительно с григорианским справедлива только для нашего времени, при современной длине тропического года.

Итак, мы можем сделать вывод, что Толкин, хотя и мог знать об изменении длины тропического года, но не учел его в создании нумерской и эльфийской календарных систем.

Теперь обратимся к **рисункам и иллюстрациям** писателя.

Рассмотрим несколько иллюстраций астрономической тематики из “Писем Рождественского Деда”, “Рисунков Толкина” (далее РТ) и книги У. Хэммонда и К. Скалл “Толкин: художник и иллюстратор” (ТХИ)³².

1) “Карта Тропа” (№86 ТХИ). Из этого рисунка выше мы сделали вывод, что Бильбо не мог увидеть молодую луну в День Дурина: по азимуту юго-юго-запад площадку, на которой находился хоббит, отделяет от горизонта высокий горный отрог.

2) “Вид от Задней Двери” (№132 ТХИ). На этом наброске мы видим заходящее за горизонт солнце. Луны не видно, потому как она, по нашей реконструкции, находится довольно далеко от солнца, в 40 градусах к югу. Ее загораживают скалы. К сожалению, здесь не виден большой отрог слева от площадки и мы не можем судить, была ли хоббиту вообще видна луна...

3) Проекты обложек к “Хоббиту” (NN^o142, 143, 144 ТХИ). На них изображены горы и заходящее солнце и луна. Луна молодая, в виде тонкого месяца, слева и довольно далеко от солнца. Такая картина соответствует нашему выводу о “низкой” луне и видимой неомении на третий день после новолуния. Грубых ошибок нет. Однако, присутствие высокой горы между солнцем и луной (видимо, Эребора), леса, дракона, орлов и других элементов выдает чисто символическое наполнение рисунков вместить на обложку как можно больше “действующих лиц”.

4) “Передняя Дверь” (№135 ТХИ), “Одинокая гора” (№136 ТХИ) и “Смауг облетает Гору” (№18 РТ). Судя по расположению главного входа в Гору (Передней Двери), который согласно карте Трора обращен к югу, перед нами северная часть неба. Но полная луна (да и вообще луна, солнце или планеты в северном полушарии) никогда не бывает видна на северной стороне. Здесь мы видим явную и грубую ошибку Толкина. Впрочем, наличие луны на рисунках оправдывается их художественной выразительностью.

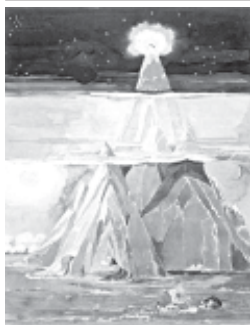
5) “Смерть Смауга” (№137 ТХИ и №19 РТ). В тексте “Хоббита” упоминается восходящая вечером луна, освещавшая дракона. На самом деле луна могла быть видна только в самом начале ночи низко над южным горизонтом в виде молодого четырехдневного месяца. Здесь Толкин допустил досадную и странную оплошность. Рисунок же изображает круглую с серповидным вырезом

луну. По краю рисунка читаем подпись: “Луна должна быть в виде месяца: прошло лишь несколько ночей после новолуния в День Дурина”. Но в День Дурина была неомения, новолуние же случилось за три дня до этого.

6) “Край Мира” (№36 ТХИ) и “Залы Манвэ (Таникветиль)” (№52 ТХИ и №31 РТ). На обоих рисунках мы видим одну и ту же ошибку - луна обращена к солнцу не той стороной. А на рисунке “Таникветиль” мы можем видеть множество рассыпанных по небу звезд. Причем слева вверху

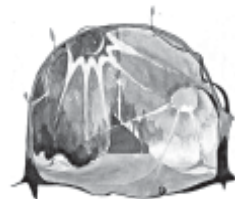

они собраны в довольно тесную и обособленную группу. У. Хэммонд и К. Скалл полагают, что это Плеяды. Вообще-то Плеяды выглядят по-другому...

Аналогичную ошибку - с неверно обращенной луной - мы обнаруживаем и на марке к Письму Рождественского Деда 1925 года.

7) “Берега Фэери” (№44 ТХИ). На рисунке мы видим стилизованные Два Древа Валинора с цветком-луной и плодом-солнцем. Если отвлечься от ботанической составляющей, здесь месяц изображен правильно - он обращен к солнцу выпуклой стороной.

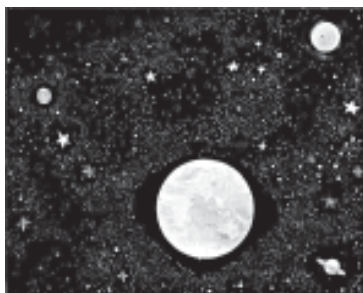
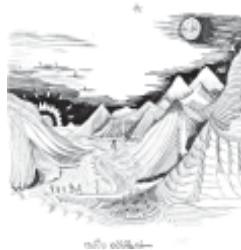

отвлечься от ботанической составляющей, здесь месяц изображен правильно - он обращен к солнцу выпуклой стороной.

8) “Человек-с-Луны” (№45 ТХИ). На этом рисунке в первую очередь привлекает подробная и достаточно точная прорисовка земных материков. Мы видим раскрашенную Евразию, Африку, Северную Америку, часть Южной Америки. Но, кроме того, присутствуют еще два материка - посреди Атлантического и Тихого океанов. У. Хэммонд и К. Скалл считают, что это, по всей вероятности, Атлантида и Лемурия. Герой рисунка “как метеор” падает прямо к Британским островам.

9) “Лунный пейзаж” (№72 ТХИ) и “Белый Дракон преследует Роверандома и лунопса” (№75 ТХИ). Это известные иллюстрации к сказке “Роверандом”. В верхней правой части первого рисунка мы видим Землю с очертаниями Северной и Южной Америки. На втором рисунке, очень похожем на Одинокую гору с летящим Смаугом, - снова обе Америки на земном шаре. Контуры материков вполне узнаваемы.

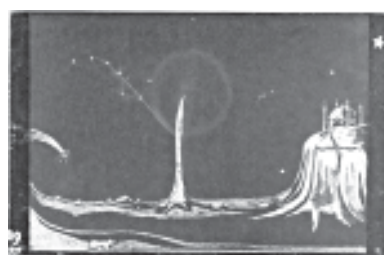

10) Рисунок к Письму Рождественского Деда 1943 года. Здесь изображена Земля на фоне хаотично разбросанных звезд. На Земле прекрасно читаются хорошо прорисованные очертания материков: Евразия, Африка, Австралия с островами Юго-Восточной Азии, Антарктида. Посредине земного шара выделяется зеленоватый Индийский океан. Кроме того, на рисунке присутствуют Луна с освещенной частью в виде месяца, бледноватый Сатурн со своими кольцами, а также красный Марс, на котором четко угадываются две большие полярные шапки и желтоватые элементы рельефа.

11) Рисунок к Письму Рождественского Деда 1932 года (№63 ТХИ). На одном из его фрагментов мы видим Земную Ось на Северном Полюсе и семь звезд над ней. У. Хэммонд и К. Скалл утверждают, что это созвездие Малой Медведицы, так как крайняя в ручке “ковша” звезда расположена почти над полюсом. На самом деле Малая Медведица выглядит немного по-иному. Изображенное созвездие больше похоже на отзеркаленную Большую Медведицу.

12) Рисунок к Письму Рождественского Деда 1927 года. На нем изображены созвездие Большой Медведицы (семь звезд над кометой и слева от Земной Оси) и Полярная звезда (над Осью). Хотя эти созвездия изображены не в зените, расстояние между крайними звездами в “ковше” и Полярной меньше, чем на самом деле, да и сама Большая Медведица нарисована немного по-детски, в целом картинка астрономически верная. Звезды в правой части рисунка можно отождествить со звездами Персея или Возничего, а яркую звезду у самого края - с какой-нибудь планетой (близко к эклиптике).

Конечно, представленными примерами астрономическая тематика на рисунках Толкина не исчерпывается.

Рисунки свидетельствуют, что у Толкина был своеобразный художественный талант копировщика, иногда страдающего невнимательностью к деталям. Основными ошибками являются неправильное изображение освещенной части луны относительно солнца и расположение спутника Земли в северной части неба.

В остальном как рисунки, так и тексты (рассмотренные и оставленные вне нашего исследования) демонстрируют достаточно разнообразные астрономические познания писателя. Он знает, как выглядят созвездия, осведомлен о цвете поверхности и полярных шапках Марса, о кольцах Сатурна, о названиях и внешнем виде других планет Солнечной системы³³, знаком с очертаниями земных материков, разбирается в условиях видимости небесных светил в разные времена года, умеет рассчитывать точность календарей относительно тропического года и долготу светового дня на разных широтах (хоть и с ошибками), знает продолжительность лунного месяца и время наступления отдельных фаз луны, разбирается в механизме затмений и метеорных явлениях, знаком с теориями происхождения и эволюции небесных тел³⁴, а также с историей астрономии и астрономической мифологией³⁵. Но Толкин предположительно не знает³⁶ о точных значениях продолжительности сезонов и тропического года в прошлом, о явлении прецессии и изменениях видимости созвездий.

Итак, проведенный анализ текстов и иллюстраций показывает, что Толкин был человеком своего времени, достаточно глубоко для профессионального филолога разбирающимся в тонкостях астрономии (благодаря хорошей наблюдательности и начитанности). Но иногда он мог допускать ошибки в описании астрономических явлений. Эти огрехи отчасти могут свидетельствовать и

против так называемого максималистского визионерского подхода к изучению творчества Толкина, согласно которому события, описанные автором, суть некая реальность в прошлом или в параллельном мире, а Толкин “видел” и безошибочно зафиксировал ее в своих книгах. Но, несмотря на наличие этих ошибок, их значение чрезвычайно мало. Читатель-неспециалист их почти не замечает, и общее впечатление от грандиозности, тщательной продуманности и самодостаточности Мира Толкина у него не портится.

Примечания

1. “О волшебных сказках” в кн. Толкин Дж.Р.Р. “Чудовища и критики и другие статьи”. М.: Elsewhere, 2006, пер. С. Лихачевой.

2. “Attacks of Taste”. Compiled and edited by Evelyn B. Byrne and Otto M. Penzler. Gotham Book Mart, New York, 1971, p. 43. Рус. пер. И. Хазанова.

3. Ch. Scull and Wayne G. Hammond “The J.R.R. Tolkien Companion and Guide. Reader’s Guide”. HarperCollinsPublishers, London, 2006, p. 877.

См. также: Jorge Quicones and Ned Raggett “Nóle i Meneldilo. Lore of the Astronomer” // “Vinyar Tengwar”, No 12, 1990, p. 5.

О подаренном Кристоферу телескопе упоминается в Письме Рождественского Деда 1938 года.

4. См. гл. “Chronologies, Calendars, and Moon” в кн. Wayne G. Hammond and Ch. Scull “The Lord of the Rings. A Reader’s Companion”. HarperCollinsPublishers, London, 2005, pp. xlv-l.

5. См. Введение к “Роверандому” в кн. Толкин Дж.Р.Р. “Роверандом. Мистер Блисс. Письма Рождественского Деда”. М.: ТТТ, 2003.

Это затмение упоминается и в Письме Рождественского Деда 1927 года.

6. Об использовании Толкином в позднем “Сильмариллионе” гипотезы происхождения Луны, выдвинутой Дж. Дарвином в конце XIX века, пишет астроном Кристина Ларсен в статье “Астрономия Средиземья”: Kristine Larsen “The Astronomy of Middle-Earth” (http://www.physics.ccsu.edu/larsen/astronomy_of_middle.htm).

См. также ее статью ““A Little Earth of His Own”: Tolkien’s Lunar Creation Myths” (<http://www.physics.ccsu.edu/larsen/ithil.html>).

7. Andreas Möhn (Lalaith) “A Meridional Grid on the Middle-Earth Map” (<http://lalaith.vpsurf.de/Tolkien/Grid.html>).

8. Толкин Дж.Р.Р. “Письма”. М.: ЭКСМО, 2004, пер. С. Лихачевой.

9. Толкин Дж.Р.Р. “Хоббит, или Туда и Обратно”. М.: Азбука, 1995, пер. С. Степанова, М. Каменкович.

10. Беляков С. “Принципы реконструкции хронологии событий на примере книги “Хоббит, или Туда и Обратно”” (<http://liga-ivanovo.narod.ru/hobchronop.htm>).

11. Здесь и далее астрономические расчеты и моделирование проведены с помощью программ StarCalc 5.73, Stellarium 0.8, CyberSky 4.0 и RedShift 5.

12. В редакциях “Властелина Колец” до 2005 г. события у Зеркала датируются в Приложении Б 14 февраля. Но У. Хэммонд и К. Скалл в “The Lord of the Rings. A Reader’s Companion” (с. 718) утверждают, что это ошибка. Правильно будет 15 февраля, что и приводится в изданиях с 2005 г.

13. Толкин Дж.Р.Р. “Властелин Колец”. М.: Азбука, 1995, в 3-х томах, пер. М. Каменкович, В. Каррика и С. Степанова.

14. Там же.

15. Wayne G. Hammond and Ch. Scull “The Lord of the Rings. A Reader’s Companion”, p. xlix.

16. Толкин Дж.Р.Р. “Неоконченные предания Нуменора и Средиземья”. М.: ТТТ, 2002, пер. под общ. ред. А. Хромовой.

17. О соотношении Королевского счисления и его разновидностей с григорианским календарем см. Приложение Г к “Властелину Колец”: “...даты Ширского календаря опережали принятые у нас примерно на десять дней, так что наш Новый Год приходился бы примерно на 9 января по ширскому стилю”.

18. Беляков С., Лепешев Д. “Естественнонаучные аспекты ардологии. Астрономия, география и история в Мире Толкина” (<http://liga-ivanovo.narod.ru/lettolkien.htm> и <http://liga-ivanovo.narod.ru/lt-tab.htm>).

19. K. Larsen “A Definitive Identification of Tolkien’s “Borgil”: An Astronomical and Literary Approach” // “Tolkien Studies”, vol. 2, West Virginia University Press, 2005, pp. 161-170.

20. Толкин Дж.Р.Р. “Властелин Колец”.

21. См. например: J.R.R. Tolkien “The Rivers and Beacon-hills of Gondor” // “Vinyar Tengwar”, No 42, 2001, p. 12.

22. См. например: Толкин Дж.Р.Р. “Властелин Колец”, Приложение Д, прим к “Н”.

23. Толкин Дж.Р.Р. “Письма”. Письма 165, 183, 211, 294.

См. также: BBC Radio Interview J.R.R. Tolkien, interviewed by Denis Guerout, 1971.

24. Беляков С., Лепешев Д. “Естественнонаучные аспекты ардологии. Астрономия, география и история в Мире Толкина”.

25. На это обращает внимание и К. Ларсен в “A Definitive Identification of Tolkien’s “Borgil”: An Astronomical and Literary Approach” // “Tolkien Studies”, vol. 2, p. 163.

26. Толкин Дж.Р.Р. “Властелин Колец”, Приложение Г.

27. Климишин И. “Календарь и хронология”. М.: Наука, 1990, 3-е изд.

28. Беляков С., Лепешев Д. “Естественнонаучные аспекты ардологии. Астрономия, география и история в Мире Толкина”.

29. Толкин Дж.Р.Р. “Властелин Колец”, Приложение Г.

Для сравнения: продолжительность григорианского календарного года 365,2425 суток, юлианского - 365,25 суток.

30. Толкин Дж.Р.Р. “Письма”. Письмо 176: “Прошу прощения за то, что по-детски забавляюсь с арифметикой, но уж что есть, то есть: нуменорский календарь самую малость точнее григорианского: григорианский в среднем спешит на 26 сек. р.а. /per annum (лат.) - ежегодно/, а н[уменорский] отстает на 17,2 сек.”.

31. Толкин Дж.Р.Р. “Властелин Колец”, Приложение Г.

Интересно, что тропический год такой продолжительности был около 6250 лет назад. В то время Календарь Имладриса работал бы просто идеально!

32. Толкин Дж.Р.Р. “Роверандом. Мистер Блисс. Письма Рождественского Деда”.

“Pictures by J.R.R. Tolkien”. HarperCollinsPublishers, London, 1992.

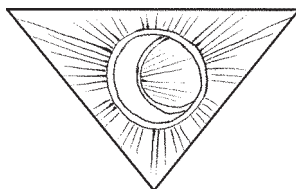
Wayne G. Hammond and Ch. Scull “J.R.R. Tolkien: Artist and Illustrator”. HarperCollinsPublishers, London, 1995.

33. См., например, раздел “Star-names” в Указателе к J.R.R. Tolkien “Morgoth’s Ring. The History of Middle-Earth. Volume 10”. HarperCollinsPublishers, London, 1994.

34. К. Larsen “The Astronomy of Middle-Earth”.

35. См. Толкин Дж.Р.Р. “Письма” или “Книга утраченных сказаний” в 2-х томах (М.: ТТТ, 2000-2002).

36. Точно утверждать нельзя, так как намеки на знание этих явлений иногда встречаются в текстах произведений Толкина.

Мария Семенихина

**О Келеборне и
Ундине**

-Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул.

Он в темной короне, с густой бородой...

-О нет, то белеет туман над водой.

Жуковский

Я водяной, я водяной,

Никто не водится со мной...

Ю. Энтин

Хорошо известно, как внимательно Толкин относился к именам персонажей своих произведений: различным вариантам одного и того же имени, с подробнейшим этимологическим анализом, отводится не один десяток страниц в «Истории Средиземья».

Однако нередко звучание имени персонажа оказывалось для Толкина первичным, а этимология имени придумывалась уже постфактум, причем у одного и того же имени могло быть несколько этимологий, подчас совершенно разных (своего рода «чемпионом» по противоречивости и разнообразию этимологий, как ни странно, оказывается одно из самых старых и известных имен из толкиновских текстов Luthien). Впрочем, с наличием нескольких (подчас взаимоисключающих) этимологий у одного и того же имени или с отсутствием сколь-либо определенной этимологии у того или иного имени мы встречаемся и при анализе реально существующих антропонимов, в том числе и входящих в привычный христианский именовослов.

При этом не всегда имена персонажей Толкина можно считать полностью вымышленными автором. Однако такого рода заимствования имеют различный характер. В одних случаях это просто использование фонетической оболочки «чужого» имени (в неизменном или слегка измененном виде), не предполагающее никаких смысловых интертекстуальных переключек. Так, ни герой Троянской войны Диор Амаринкид, ни древнегреческий бог ветра Эол (и носящий такое же имя легендарный прародитель эолийцев) не имеют ничего общего со своими «тезками» из «Сильмариллиона»¹, равно как и аркадский царевич Палант из «Энеиды» Вергилия совершенно не похож на Паландо — одного из Истари (про которого известно только то, что он носил синее и исчез неизвестно куда)². В других случаях заимствование имени происходит при

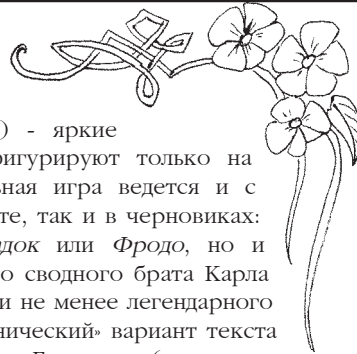

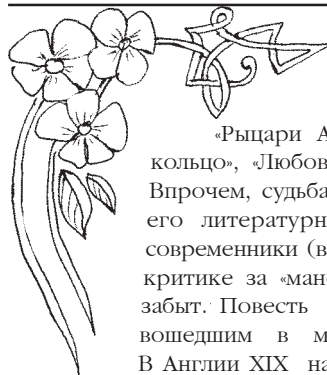

параллельном задействовании механизмов интертекстуальной игры. Хрестоматийный пример подобной игры - имена гномов из «Хоббита», заимствованные из «Старшей Эдды». При этом многие гномы из «Хоббита» (Балин, Торин, Бомбур и т.д.) - яркие индивидуальности, в то время как в «Эдде» они фигурируют только на уровне имен. Такая же изоцированная интертекстуальная игра ведется и с именами хоббитов, причем как в «каноническом» тексте, так и в черновиках: так, «цитатными» являются имена не только *Мериадок* или *Фродо*, но и *Дрого* (имя отца Фродо и одновременно легендарного сводного брата Карла Мартелла³), и *Фредегар* (полное имя Фэтти Болджер и не менее легендарного франкского хрониста), и такие не вошедшие в «канонический» вариант текста имена хоббитов, как *Фарамонд* (заменен на Пиппина) и *Гамилькар* (заменен на Фредегара)⁴. С именем Gandalf, возможно, все не так однозначно: с одной стороны, это тоже имя гнома из «Эдды» (и в черновиках к «Хоббиту» так звался Торин), с другой - в средневековой Италии было достаточно популярным имя германского (вероятно, остготского или лангобардского) происхождения *Gandolpho*, *Gondolfo*⁵, а в толкиновской антропонимике некоторый «романский» колорит, несмотря на декларируемую самим автором неприязнь к романской культуре, прослеживается иногда весьма отчетливо (особенно это заметно у хоббитов, среди которых попадаются и Санчо, и Эсмеральды - да и Бильбо с Белладонной тоже в этом отношении явно не без греха⁶). Иногда имя в мире Толкина из топонима превращается в антропоним (так, *Morgwen* - это не только имя матери Турина, но еще и место действия знаменитых песен Оссиана⁷) или из антропонима в топоним (*Gundobad* - и имя древнегерманского короля, и название горы на севере Средиземья).

Рассматриваемый в данной статье случай можно охарактеризовать как пограничный между «чистой» фонетикой и интертекстуальной игрой, так как возможный исходный текст для данного имени - еще менее известный рядовому читателю, чем «Эдда». Когда и как Толкин мог познакомиться с этим текстом, неизвестно (возможно, в детстве), однако возможность такого знакомства отнюдь не исключается. Речь идет о сказочной повести немецкого писателя начала XIX в. Фридриха де Ла Мотт Фуке (1777 - 1843) «Ундина» (1811), малоизвестной в современности, но в свое время ставшей ярким литературным явлением и пользовавшейся популярностью не только в Германии, но и за ее пределами.

Несмотря на то, что Фуке и Толкин жили в разных эпохах и были воспитаны в совершенно разной культурной атмосфере, в их судьбе, вкусах и характерах достаточно много сходства. Так, безусловно родственной чертой у обоих авторов была их любовь к языкам: Фуке знал латинский, древнегреческий, старофранцузский и провансальский; позднее изучил готский, великолепно владел английским, знал скандинавские языки (и питал большой интерес к скандинавской мифологии, истории и культуре); по совету своего духовного наставника, философа А.В. Шлегеля, Фуке изучает итальянский, испанский и португальский. В течение жизни Фуке много переводил: из Гомера, Ксенофонта, Тацита, Шекспира, Расина, Сервантеса, Байрона, Томаса Мура. Другим интересом, роднящим Толкина и Фуке, было серьезное изучение средневековой культуры и, в частности, культуры народов Северной Европы. В 1808-1810 гг. Фуке написал трилогию «Герой Севера»: «Сигурд, убивающий змея», «Мсть Сигурда», «Аслауга» - по мотивам северного эпоса; другие его произведения также написаны на сюжеты из средневековых легенд и скандинавской мифологии:

драмы «Эгинхард и Эмма» (на основе хроник времен Карла Великого), «Альф и Ингви», «Бальдур», «Хельги», поэма «Рождение и юность Карла Великого», новеллы «Рыцари Аслауги», «Синтрам и его спутники», романы «Волшебное кольцо», «Любовь певца».

Впрочем, судьба Фуке как писателя была не слишком счастливой. Хотя о его литературном таланте с большим уважением отзывались многие современники (в частности, Э.Т.А. Гофман), еще при жизни он подвергался критике за «манерность», «надуманность», и вскоре оказался практически забыт. Повесть «Ундина» оказалась единственным из произведений Фуке, вошедшим в мировую литературу.

В Англии XIX начала XX вв. Фуке был весьма популярен. В 1909 г. вышло полное издание его переведенных на английский язык произведений с иллюстрациями Артура Рэкхема (вполне возможно, что Толкин мог его держать в руках⁸). Далее примеры из текста «Ундины» будут даваться в двух переводах – русском и английском (это необходимо еще и потому, что английский перевод в некоторых деталях отличается от русского)⁹.

Джордж Макдоналд (один из литературных «предшественников» Толкина) очень высоко отзывался об «Ундине», считая ее идеальной волшебной сказкой: «Were I asked, what is a fairytale? I should reply, Read *Undine*: that is a fairytale ... of all fairytales I know, I think *Undine* the most beautiful» (эссе *The Fantastic Imagination*) («Если бы меня спросили, что такое волшебная сказка, я бы ответил: «Прочтите «Ундину» - это и есть настоящая волшебная сказка... Из всех известных мне сказок «Ундина», на мой взгляд, самая прекрасная»).

В сюжете «Ундины» нет почти ничего общего с произведениями Толкина, за исключением главной темы повести – истории любви человека (рыцаря Хульдбранда) и представительницы «волшебного народа» (водяной феи Ундины), что, впрочем, является не столь уж редким сюжетом в средневековых легендах (можно вспомнить, например, широко известную историю о фее Мелюзине) и романтической литературе XIX в. (при этом некоторые моменты развития данного сюжета оказываются инверсированными по отношению, например, к сходным мотивам в истории любви Берена и Лутиэни). Вместе с тем в «Ундине» фигурирует персонаж, странным образом похожий как по функциям, так и по имени на одного из героев Толкина, а именно на Владыку Келеборна, повелителя Лотлориена.

Келеборн – один из самых странных персонажей толкиновских текстов. С одной стороны, ничего загадочного ни в нем самом, ни в его поведении нет, с другой – иногда создается впечатление некоторой «избыточности» этого героя, его «ненужности» (хотя впечатление это мнимое). Во «Властелине Колец» он почти полностью оказывается «в тени» своей могущественной супруги (а, например, о его роли в Войне Колец говорится лишь бегло и скупо в приложениях), в «Сильмариллионе» упоминается только в нескольких предложениях. Наиболее полно его история излагается в одном из поздних текстов, вошедших в состав «Неоконченных преданий» («О Келеборне и Галадриэли»), но и этот текст больше ставит вопросов, чем дает ответов.

Если кратко суммировать те факты, которые нам известны о Келеборне, то они могут свестись к следующим утверждениям:

- правитель заколдованного леса или родич правителя потаенного королевства;

- высокого роста и одевается в белое (причем цвет волос у него тоже *серебристо-белый*);

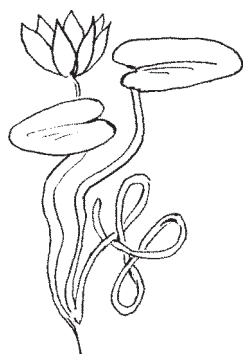
- каким-то образом связан с *водой* (будь это телерийское происхождение и юность, проведенная в Гаванях, жизнь в Линдоне и родство с Кирданом или брак с хранительницей Кольца Воды).

В ВК у него есть «двойник» - впрочем, практически никак себя не проявляющий в данном тексте (но зато несколько более активный в «Неоконченных Преданиях» и особенно в «Хоббите»), а именно Трандуил, его северный сосед. При этом у обоих имеется своеобразный «двойник» в лице Тингола. О некоторых мотивах, общих для Трандуила и Тингола, говорится в комментариях к «Хоббиту» (HotH, pp. 414-417).

В одном из самых ранних черновых набросков текста ВК (HoME, VII) владыки Лотлориена носили имена *Tar* и *Finduilas* (с. 249) (*Finduilas* было и вариантом для имени Арвен, плюс к тому, что у Толкина есть еще 2 героини с таким именем, хорошо известные по ВК и «Сильмарилиону»), затем - *Aran* и *Rhien* (там же), *Galdaran* и *Galdri(e)n* (с. 249-250), *Galathir* и *Galadhrien* (там же)¹⁰, причем этими вариантами Толкин тоже не ограничивается. 'Welcome to Caras Galadon, the city of Lothlorien... where dwell the Lord Arafain and Galadriel the Lady of the Elves'. (Добро пожаловать в Карас Галадон, столицу Лотлориена... где живут лорд Арафайн и Галадриэль, Госпожа эльфов) – приветствует Хранителей эльф Хатальдир (в «каноническом» тексте ВК его имя сокращено до «Халдир»).

Нетрудно заметить, что имя Владыки Лотлориена во всех черновых вариантах обозначает либо просто «король, правитель» (*Tar, Aran*), либо «лесной король», «повелитель деревьев» (*Galathir, Galdaran*) (этимология имени *Arafain* не очень понятна, однако элемент *aga-*, вероятно, обозначающий «правитель, король», присутствует и в нем). Также заметно, что Владыка и Владычица в ряде вариантов носят «парные» имена («король» - «королева» («коронованная»), «владыка деревьев» - «владычица деревьев»), и первоначально имели гораздо более схожую внешность, чем в «каноническом» тексте ВК: например, у них был одинаковый цвет волос (*On two seats at the further end sat side by side the Lord and Lady of Lothlorien. They looked tall even as they sat, and their hair was white and long*) («На двух тронах в дальнем конце зала сидели рядом Владыка и Владычица Лотлориена. Они выглядели высокими, даже когда сидели, а волосы их были длинными и белыми»), в то время как в «каноническом» тексте серебристо-белые волосы остаются только у Келеборна. Зеркало Галадриэли в черновом наброске именуется *King Galdaran's Mirror* (Зеркало короля Гальдарана). Следовательно, логично было бы предположить, что и имя *Celeborn* должно так или иначе относиться к тому же семантическому полю «власть, царство» - однако оно, если рассматривать его просто как эльфийское

(синдаринское) имя, такой семантики не имеет. С точки зрения этимологии оно совершенно прозрачное («серебряное дерево» - вполне подходящее для эльфа высокого роста с серебристым оттенком волос, свойственным телерийской знати; вспомнить того же Тингола, Кирдана или Эарвен), к тому же имеется и параллельная к нему более «архаичская» телеринская форма *Teleporno*. Имя *Celeborn* имеет и графический вариант *Keleborn*, придающий ему менее «кельто-латинский» и более «греко-германский» (а также более соответствующий его произношению) вид. Это написание, как мы увидим позже, оказывается далеко не случайным.

Интересующий нас персонаж «Ундины» появляется буквально в первом же абзаце повести, пусть и анонимно, но с вполне узнаваемыми портретными чертами:

Все, что мерещилось старику ненастными ночами, все тайны зловещего леса сразу воскресли в его памяти, и прежде всего - гигантская фигура загадочного белого человека, непрестанно кивавшего головой. Да что говорить - когда он глянул в сторону леса, ему явственно почудилось, будто за сплетением листвы стоит этот кивающий головой человек.

All that he had dreamed, in many a stormy night, of the mysteries of the forest, now flashed at once through his mind; foremost of all, the image of a gigantic snow-white man, who kept unceasingly nodding his head in a portentous manner. Indeed, when he raised his eyes toward the wood it seemed to him as if he actually saw the nodding man approaching through the dense foliage.

Ему [Хульдбранду] мерещилось, правда, все жуткое и диковинное, что видел он еще днем под этими стонущими и скрипящими ветвями; в особенности же высокий белый человек на другом берегу - теперь он сразу узнал его - ухмылявшийся и непрестанно кивавший головой.

He remembered all the awful and wonderful things which he had encountered, even by day, under the now rustling and roaring branches of the forest. Above all it seemed to him as if a tall man in white, whom he knew but too well, was grinning and nodding on the opposite shore...

Если в русском переводе странное существо, преследующее героев, названо просто «белый человек», в английском тексте этот образ несколько детализирован (это не «высокий белый человек», а «высокий человек, одетый в белое»).

Этот загадочный персонаж, впрочем, в течение достаточно долгого времени остается анонимным, и непонятно, мерещится он героям (рыбаку, Хульдбранду) или существует на самом деле. Открыто он является только ближе к середине повести, когда Хульдбранд, его молодая жена Ундина и обвенчавший их священник едут через лес в имперский город (откуда и началось путешествие Хульдбранда): он присоединяется к ним в качестве попутчика, все в том же виде высокого человека в белом, и вступает в беседу со священником. Именно тогда мы и узнаем его имя.

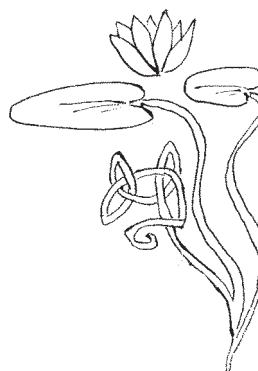
- Вот так-то и живу я здесь в лесу, почтенный отец, уже много лет, хотя меня и не назовешь отшельником в вашем смысле слова... Я потому только и люблю так лес, что уж очень занятно и красиво выглядит, когда я в своем развевающемся белом платье пробиваюсь сквозь темную листву, а нежный луч солнца нет-нет да и скользнет по мне и засверкает...

- Вы весьма удивительный человек, - заметил священник, - и мне хотелось бы побольше узнать о вас.

- Ну, а вы-то сами кто такой, если уж на то пошло? - спросил незнакомец.

- Меня зовут патер Хайльман, - молвил священник, - из обители святой Марии, что за озером.

- Так, так, - ответил незнакомец, - а меня зовут Кюлеборн, ну, а если соблюдать учтивость, то следовало бы величать меня господин фон Кюлеборн, а не то, пожалуй, и владельческий

барон фон Кюлеборн, ибо я владею всем в этом лесу, а может быть и за его пределами.

“And so, venerable sir. I have now dwelt for many years here in the forest, and yet no one could call me a hermit, in your sense of the word. For, as I said, I know nothing of penance, and I do not think I have any especial need of it. I lose the forest only for this reason, that its beauty is quite peculiar to itself, and it amuses me to pass along in my flowing white garments among the eases and dusky shadows, while now and then a sweet sunbeam shines down unexpectedly upon me.”

“You are a very strange man,” replied the priest, “and I should like to be more closely acquainted with you.”

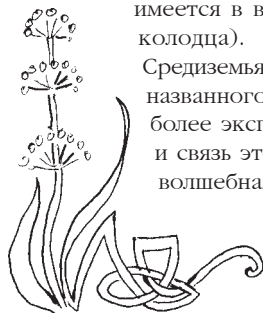
“And to pass from one thing to another, who may you be yourself?” asked the stranger.

“I am called Father Heilmann,” said the holy man; “and I come from the monastery of ‘our Lady’ which lies on the other side of the lake.”

“Indeed,” replied the stranger; “my name is Kuhleborn, and so far as courtesy is concerned I might claim the title of Lord of Kuhleborn, or free Lord of Kuhleborn; for I am as free as the birds in the forest and perhaps a little more so...”

Итак, нашего героя зовут *Кюлеборн* (Kuhleborn); в английском переводе он сам себя называет «*лорд Кюлеборн*», что весьма похоже на Lord Keleborn/Celeborn. Впрочем, и в немецком тексте, и в обоих переводах подчеркивается, что «Кюлеборн» - это скорее фамилия, образованная от гипотетического названия имения, которым владеет этот персонаж (хотя, возможно, превращение имени в фамилию или дворянский титул - одно из проявлений иронии, столь свойственной этому герою). Этимология данного имени самим Фуке никак не раскрывается; однако похожее имя изредка встречается в средневековых немецких документах.

По статусу Кюлеборн - «лесной царь» (по собственному утверждению, он владеет всем, что находится в лесу), но по природе - все же *водяной*: он родственник отца Ундины, владыки Средиземного моря, периодически превращается то в лесной ручей, то в фонтан («*Берегись!*» - остерегает Ундина возлюбленного. - *Он коварен, этот старик, этот поток!*») (*Venture not, venture not, the old man, the stream, is full of tricks!*), а когда приобретает человеческий облик (чтобы следить за живущей среди людей любимой племянницей), выдает себя за того, кто чистит колодцы (в английском переводе его профессия менее прозаична - the master of the fountain; имеется в виду городской фонтан, из которого жители берут воду вместо колодца). В черновиках к ВК, составивших седьмой том «Истории Средиземья», «властительность» Келеборна (точнее, персонажа, впоследствии названного Келеборном), как видно из различных вариантов его имени, более эксплицитованна. Однако в этих черновых вариантах более заметна и связь этого героя с водой. Как было сказано ранее, Зеркало Галадриэли волшебная чаша с водой первоначально принадлежало не Галадриэли, а «предшественнику» Келеборна: *King Galdaran's mirror shown to Frodo. Mirror is of silver filled with fountain water in sun...* King Galdaran says the mirror shows past, present, and future, and skill needed to decide which. (HoME, VII, p. 249-250)

(Фродо показывают Зеркало короля Гальдарана. Зеркало из серебра, наполнено водой из фонтана при солнечном свете... Король Гальдаран говорит, что это зеркало показывает прошлое, настоящее и будущее, и требуется опыт, чтобы выбрать, что именно)¹¹.

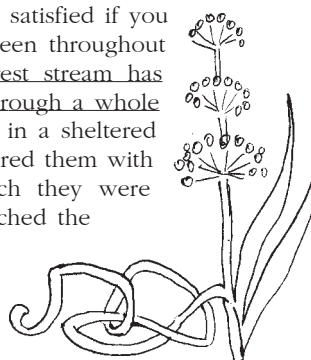
Впрочем, Кюлеборн похож не только на Келеборна, но и на короля эльфов из «Хоббита» (которому в ВК соответствует Трандуил): он одинок (в отличие от Келеборна, но подобно Трандуилу), живет в мрачном лесу, наполненном странными и страшными существами (почти Сумеречье) и не слишком-то жалуется тех, кто вольно или невольно вторгается в его владения. Появление Трандуила (точнее, безымянного лесного короля из «Хоббита») в повествовании также, пусть и опосредованно, связано с водой (первым его видит во сне Бомбур, упавший накануне в волшебную реку, протекающую по Сумеречью), и связь с внешним миром он поддерживает тоже благодаря воде, точнее, реке (и одно из толкований имени Thranduil «бурная река»¹²).

О лесном короле из «Хоббита» заставляет вспомнить и эпизод, когда Ундина обнаруживает пришльвшую по ручью бочку с вином. Именно путем сплава по реке бочки с вином и провизией доставлялись во дворец короля эльфов, и этим же путем эльфы избавлялись от порожней тары чем и воспользовался Бильбо, организуя побег своих сотоварищей из темницы короля эльфов; более того, эльфы-плотогоны, которым (вполне обоснованно) «пусты», по их предположению, бочки кажутся слишком тяжелыми, упрекают дворецкого, что-де из-за его халатности лучшее королевское вино может задаром достаться жителям Озерного города. Точно так же и Кюлеборн посылает по ручью бочку с вином в качестве подарка на свадьбу своей племяннице.

- Что вы мне дадите, если я добуду вам вино? [говорит Ундина своим приемным родителям и гостю] Или, впрочем, можете ничего не давать... с меня хватит и того, что вы развеселитесь и не будете сидеть с такими постными лицами, как весь этот скучный день. Пойдемте-ка со мной, лесной ручей пригнал к берегу бочку, и я не я буду, если не окажется, что в ней вино.

Мужчины пошли следом за ней и, в самом деле, нашли в тихой заводии у берега бочку, которая явно сулила им желанный напиток... Все трое, вопреки ожиданиям, добрались до хижины со своей добычей сухими и невредимыми, и только когда уже успели вскрыть бочку и убедиться, что она наполнена отменным вином, оглушительный ливень прорвал густые тучи, и буря налетела на верхушки деревьев и на вздымавшиеся волны озера.

“What will you give me,” she said, “to provide you with wine?” or rather, “you need not give me anything,” she continued, “for I am satisfied if you will look merrier and be in better spirits than you have been throughout this whole wearisome day. Only come with me; the forest stream has driven ashore a cask, and I will be condemned to sleep through a whole week if it is not a wine-cask.” The men followed her, and in a sheltered creek on the shore, they actually found a cask, which inspired them with the hope that it contained the generous drink for which they were thirsting ...Nay, more: contrary to all expectation, they reached the comfortable hearth with their booty perfectly dry, and it was not till they had opened the cask, and had proved that it contained some wonderfully excellent wine, that the

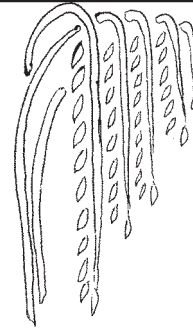

rain burst forth from the dark cloud, and the storm raged among the tops of the trees, and over the agitated billows of the lake.

(Интересно, что в английском тексте Ундина говорит буквально «чтоб мне проспять целую неделю, если это не винная бочка» - это, возможно, снова относит нас к заколдованной реке из «Хоббита», наводящей сон).

Отношение Кюлеборна и Келеборна к гномам прямо противоположно: если у Келеборна оно (по понятным причинам) резко отрицательное (несмотря на то, что Галадриэль, его супруга, еще в Эрегионе старается завести деловые отношения с морийскими гномами), то Кюлеборн выступает (пусть и мельком) еще в одной ипостаси повелителя гномов (кобольдов, духов земли). Интересно, что в английском переводе эти существа названы «гоблинами». При этом Кюлеборн в качестве хозяина земных недр демонстрирует Хульдбранду свои богатства, смеясь над монетой, которую ему бросает рыцарь, пытаясь от него откупиться:

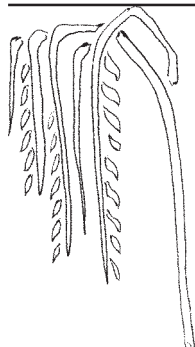
И тут вдруг мне почудилось, что я вижу сквозь зеленый дерн как сквозь зеленое стекло, а плоская земля стала круглой, как шар, и внутри нее копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды. Они кувыркались через голову, швыряли друг в друга слитками драгоценных металлов, прыскали в лицо золотой пылью, а мой уродливый спутник стоял одной ногой внутри, другой снаружи. Те подавали ему груды золота, он смеясь показывал его мне, а потом со звоном швырял обратно в бездну. Потом снова показывал кобольдам мой золотой, и они до упаду хохотали и улюлюкали. А затем они потянулись ко мне своими почерневшими от металла пальцами, и - все быстрее и быстрее, все теснее и теснее, все яростнее и яростнее закружилась и забарахталась вокруг эта чертовня - тут меня, как раньше мою лошадь, охватил ужас, я пришпорил коня и, не разбирая дороги, вновь помчался в глубь леса.

“Suddenly it seemed to me as if I could see through the solid soil as though it were green glass and the smooth earth were as round as a ball; and within, a multitude of goblins were ranking sport with silver and gold; head over heels they were rolling about, pelting each other in jest with the precious metals, and provokingly blowing the gold-dust in each other’s eyes. My hideous companion stood partly within and partly without; he ordered the others to reach him up heaps of gold, and showing it to me with a laugh, he then flung it back again with a ringing noise into the immeasurable abyss.”

“He then showed the piece of gold I had given him to the goblins below, and they laughed themselves half-dead over it and hissed at me. At last they all pointed at me with their metal-stained fingers, and more and more wildly, and more and more densely, and more and more madly, the swarm of spirits came clambering up to me. I was seized with terror as my horse had been before: I put spurs to him, and I know not how far I galloped for the second time wildly into the forest.”

В ответ на неожиданный стук в дверь посреди ночи Ундина выкрикивает: *Эй вы, духи земли, если вы вздумали безобразничать, Кюлеборн научит вас уму-разуму!* (Spirits of the earth, if you wish to carry on your mischief, Kuleborn shall teach you

something better! - в английском тексте буквально: «Духи земли, если вам так уж хочется безобразничать, то Кюлеборну следует научить вас чему-нибудь получше!»). Правда, это оказываются совсем не духи, а священник, пришедший обвенчать Ундину и Хульдбранда, но фраза Ундины указывает на власть Кюлеборна над гномами (или гоблинами).

В этом Кюлеборн похож скорее на Тингола, активно общавшегося с гномами. Параллелью этому моменту может послужить и то, что в черновом варианте ВК Галадриэль (Галадриэн) является хранительницей Кольца Земли (Ring of Earth), а не Воды.

Интересно, что и Торин из «Хоббита» - Король-под-Горой, в песне, которую в ожидании его прихода поют жители Озерного Города, называется the lord of silver fountain (HotH, 439), что несколько неожиданно для гнома.

Кардинальное отличие Кюлеборна от Келеборна в том, что если Келеборн все же прекрасен и благороден, несмотря на то, что принимает Хранителей сначала не слишком радушно (и только вмешательство Галадриэли позволяет удержать ситуацию под контролем), то Кюлеборн, существо стихийное, не поддается строгим дефинициям: его нельзя назвать безусловно положительным и привлекательным, но считать его однозначно злобным и страшным тоже нельзя. У него своя мораль, свои критерии поведения и отношения к окружающим: он может быть и жесток, и при этом по-своему добр (угощает рыцаря и приютивших его рыбаков вином), справедлив (наказывает Бергальду и Хульдбранда за дурное обращение со своей племянницей Ундиной) и верен долгу (ему не по нраву судьба, уготованная Ундине ее родителями, но он делает все, чтобы она совершилась, даже доставляет в хижину рыбаков священника, который обвенчал бы Ундину и Хульдбранда).

Племянница Келеборна (по одной из версий) - личность не менее (а то и более) примечательная, чем племянница Кюлеборна: это не кто иная, как Нимлот, жена Диора и мать Эльвинг. Однако связь с «водой» тут снова налицо. Еще одна женщина, связанная с водой, в окружении Келеборна - это, разумеется, Галадриэль, и не только потому, что она хранительница Кольца Воды, но и потому, что ее мать-телерийка носила весьма красноречивое имя Эарвен, то есть Морская Дева.

Интересная переключка и одновременно инверсия мотивов «Ундины» и текстов Толкина, возможно, касается истории Берена и Лутиэни: и Лутиэнь, и Ундина, полюбив человека, изменяют собственную природу, и эти изменения касаются смерти и посмертного существования. Но если для Лутиэни любовь к Берену оборачивается утратой бессмертия, то Ундину, напротив, брак с человеком приводит к обретению бессмертной души (как у людей) и возможности загробной жизни (чего, как говорит сама Ундина, лишены подобные ей существа).

Мы и подобные нам порождения других стихий бесследно рассыпаемся в прах духом и телом и, меж тем как вы когда-нибудь воскреснете для новой, более чистой жизни, мы останемся там, где остаются песок, и искра, и ветер, и волны... Но обрести душу мы, порожденные стихией, можем, только слившись в сокровенном таинстве любви с кем-либо из вашего племени.

We and our like in the other elements, vanish into dust and pass away, body and spirit, so that not a vestige of us remains behind; and when you mortals hereafter

awake to a purer life, we remain with the sand and the sparks and the wind and the waves... Such as we are, however, can only obtain a soul by the closest union of affection with one of your human race.

По утверждению Ундины, отсутствие души делает ее и ей подобных существ (духов стихий) такими веселыми и беззаботными, а наличие души для Ундины - нелегкое испытание: после вступления в брак она называет себя a loving, suffering, and soul-endowed woman (женщина любящая, страдающая и наделенная душой)¹⁵. Однако такова воля отца Ундины (и это не нравится Кюлеборну, который очень любит свою племянницу и хочет уберечь ее от страданий, связанных с душой и человеческой природой). Можно в этой связи вспомнить и еще об одной родственнице Келеборна, добровольно избравшей для себя человеческую судьбу через брак с человеком (и повторившей судьбу Лутиэни), а именно о его внучке Арвен.

В «Ундине» присутствует и сцена, которая напоминает уже не о Келеборне и не о Трандуиле, а о сыне последнего, Леголасе, точнее, о том, как Леголас успокаивает своего коня, не желающего идти на Тропу Мертвецов.

Он позвал на помощь; в ответ раздался мужской голос, который велел ему потерпеть, а вскоре в кустах мелькнули две белых лошади, рядом с ними - белая куртка возницы, а за его спиной - большой белый холст, прикрывавший, как видно, кладь, которую он вез. По крику “тируу!” своего хозяина лошади стали. Он подошел к рыцарю и помог ему обротать бесновавшегося коня.

- Вижу, вижу, что с этой тварью. Когда я в первый раз проезжал по этим местам, с моими лошадьми было ничуть не лучше. Все дело в том, что здесь живет презлющий водяной, который тешит подобными проделками. Но я знаю одно словечко, если дозволите, я шепну его на ухо коню, и он сразу станет шелковым, совсем как мои лошадки.

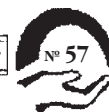
- Попробуй свое средство и поскорей помоги мне! - воскликнул в нетерпении рыцарь.

Тут возница пригнул к себе голову бесновавшегося коня и прошептал ему на ухо несколько слов. В мгновенье ока животное успокоилось, присмирело, и только хрип да пена у губ свидетельствовали о недавнем возбуждении.

He called out for help; and a man's voice replied, bidding him have patience, but promising assistance; and soon after, two gray horses appeared through the bushes, and beside them the driver in the white smock of a carter; a great white linen cloth was next visible, covering the goods apparently contained in the wagon. At a loud shout from their master, the obedient horses halted. The driver then came toward the knight, and helped him in restraining his foaming animal.

“I see well,” said he, “what ails the beast. When I first travelled this way, my horses were no better. The fact is, there is an evil water-spirit haunting the place, and he takes delight in this sort of mischief. But I have learned a charm; if you will let me whisper it in your horse's ear, he will stand at once just as quiet as my gray beasts are doing there.”

“Try your luck then, only help us quickly!” exclaimed the impatient knight. The wagoner then drew down the head of the rearing charger close to his own, and whispered something in his ear. In a moment the animal stood still and quiet, and his quick panting and reeking condition was all that remained of his previous unmanageableness.

Ср.: *But Arod, the horse of Rohan, refused the way, and he stood sweating and trembling in a fear that was grievous to see. Then Legolas laid his hands on his eyes and sang some words that went soft in the gloom until he suffered himself to be led, and Legolas passed in* (LotR, book V, *The Passing of the Grey Company*). (Но Арод, роханский конь, не желал идти вперед, и стоял, дрожа и обливаясь потом от страха, так, что жалко было смотреть. Тогда Леголас закрыл ему руками глаза и пропел несколько слов, тихо прозвучавших во мраке; конь неохотно позволил взять себя под уздцы, и Леголас вошел [в туннель]).

Однако если в ВК конь Леголаса всего лишь пугается мертвецов, то в «Ундины» конь Хульдбранда пугается именно самого Кюлеборна (в то время как Леголаса лошади не только не боятся, но и легко находят с ним «общий язык» - Леголас ездит верхом без седла и уздечки, к удивлению даже опытных конников-роханцев). Кони же, на которых едет Кюлеборн - как оказывается впоследствии, лишь обман зрения. То, что Кюлеборн успокаивает коня, тоже оказывается обманным маневром (Кюлеборн заманивает Хульдбранда и Бертальд в свои владения и намеревается погубить, чтобы отомстить за нанесенную Ундине обиду, и только вмешательство Ундины спасает их). Наконец, некоторые штуки, которые выделывает Кюлеборн, чтобы попугать тех, кто ему неприятен, заставляют вспомнить еще одного персонажа текстов Толкина - Валу Ульмо. Это вполне естественно, если учесть, что родственник Кюлеборна (брат или зять) - отец Ундины - сам владыка Средиземного моря. Кстати, в одной из версий генеалогии Келеборна, помещенных в тексте «История Келеборна и Галадриэли», дед Келеборна носит имя Elmo, напоминающее по звучанию имя Ulmo¹⁴ и заставляющее одновременно вспомнить «огни Святого Эльма» - явление природы, также обычно связанное с морем.

*- Кое-какое дело все же есть, - откликнулся возница, - ведь Кюлеборн - это я сам!
- И его искаженное злобной ухмылкой лицо заглянуло в повозку; но и повозки уже не было, и лошадей - все растеклось, изшло пеной, рассыпалось шипящими брызгами, и сам возница взвился в воздух гигантским водяным столбом, смыл тщетно барахтавшегося коня и словно башня навис над головами тонущей пары, готовый безвозвратно похоронить их под собой.*

“It does matter to you, though,” said the wagoner, “for I am Kuhleborn.”

So saying, he thrust his distorted face into the wagon with a grin, but the wagon was a wagon no longer, the horses were not horses - all was transformed to foam and vanished in the hissing waves, and even the wagoner himself, rising as a gigantic billow, drew down the vainly struggling horse beneath the waters, and then swelling higher and higher, swept over the heads of the floating pair, like some liquid tower, threatening to bury them irrecoverably.

Также этот эпизод отдаленно напоминает сцену у Брода через Бруинен, когда взбунтовавшиеся воды реки поглощают преследующих Фродо назгулов и их коней (причем в сцене у Брода фигурируют водяные кони, в которых превращаются волны Бруинена, по крайней мере, так кажется Фродо - а в сцене из «Ундины», напротив, кони, запряженные в повозку Кюлеборна, превращаются в волны).

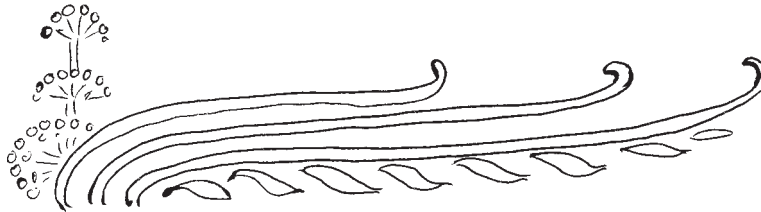
Итак, эволюция выбора имени для Келеборна, видимо, шла следующим образом: от имени, обозначающего просто «король», «лесной король» (или «лесной царь») - к

имени, отсылающему читателя к одному из известных «лесных царей» литературы романтизма. Аллюзии «Ундины» присутствуют в текстах Толкина как (в основном) на уровне имени персонажа (Celeborn/Keleborn - Kuhleborn), так и на уровне образов, скрытых цитат и т.д., связанных с этим персонажем.

Влияние на творчество Толкина литературы романтизма и неоромантизма - аспект, гораздо менее изученный, чем, например, роль средневековой литературы в становлении корпуса текстов о Средиземье, однако без учета данного влияния понимание текстов Толкина оказывается недостаточно полным.

Список сокращений

HoME, VII – The History of the Middle-Earth/Ed. by Ch. Tolkien. – Vol. VII – The Treason of Isengard.

HoH – The History of The Hobbit/ J.D. Rateliff. – HarperCollins Publishers, 2007

LoTR – The Lord of the Rings

Примечания

¹ Эол - прародитель эолийцев и Эол Темный эльф имеют сходство только в том, что сыновья обоих - преступники, точнее, предатели (Сизиф и Маэглин соответственно). Впрочем, вопрос о том, совпадение это или совпадение и случайно ли такое совпадение, подчас остается открытым. Так, например, непонятно, имеет ли что-либо общее Кайр Андрос с реально существующим греческим островом Андрос (впрочем, греческие почитатели творчества Толкина это давно заметили, проведя 5-летний юбилей своего общества в 2006 г. именно на этом острове).

² Сходство с Палантом некоторые исследователи обнаруживают в образе Эовин (см. Libran-Moreno M. *Greek and Latin Amatory Motifs in Eowyn's Portrayal* // Tolkien Studies, vol. IV, 2007. - P. 73-97)

³ Отца этого самого Дрого, кстати, звали Пипин (один из предков знаменитого Пипина Короткого)...

⁴ В случае с «Гамилькаром» это, видимо, не столько интертекстуальная игра, сколько откровенная шутка, основанная на несочетаемости звучного имени карфагенского полководца и скромной персоны обывателя-хоббита, носящего это имя. Возможно, Толкин и отказался от этого имени потому, что юмор здесь слишком прямолинеен. Имя *Фредегар* в этом отношении гораздо выигрышнее: звучит оно не менее напыщенно, однако связанная с ним ирония гораздо тоньше и понятна только специалистам по средневековой литературе и истории (Фредегар - не просто хронист, но еще и порядочный выдумщик, к тому же не слишком хорошо владеющий латынью - языком, на котором он пишет).

⁵ Хотя сам Толкин, как известно, возмущался, встретив в тексте ВК имя Гэндальфа, ошибочно набранное как Gandalph, вопрос о взаимоотношениях Толкина с раннесредневековой культурой романоязычных стран (в которой большую роль играло все же влияние германских народов) не столь прост, как кажется. Так, на возможный интерес Толкина к Италии «темных веков» указывают, например, аллюзии сюжета о королеве Розамунде, жене Альбойна, сына Аудойна (из «Истории лангобардов» Павла Диакона) в «Утраченном пути» и «Записках клуба «Мнение»».

⁶ Имя *Bilbo* напоминает испанский топоним иберийского происхождения Bilbao (а также созвучно названию старинного испанского холодного оружия), а имя *Belladonna* может как иметь чисто ботаническую семантику (пусть и довольно ироническую: видимо, эту даму называли

в честь ядовитого растения из-за ее сложного характера), так и переводиться с итальянского как «прекрасная дама» (и, разумеется, сын *Прекрасной Дамы* не может не быть втянутым в сюжет *рыцарского романа* - с драконами, сражениями и заколдованными лесами, что мы и видим в «Хоббите»).

⁷ При этом сам топоним *Морвен(а)* (букв. нечто вроде «большая долина») достаточно часто используется в... русской поэзии для создания «оссиановского» колорита: «Владыка Морвены, / Жил в дедовском замке могучий Ордал...» (В.А. Жуковский. Эолова арфа); «Еще заливаются ветры, как барды, /Еще не смолкают березы Морвена...» (Н.А. Заболоцкий. Читайте, деревья, стихи Гезиода)

⁸ С де Ла Мотт-Фуке сравнили «Падение Гондолина» члены Эссекстского клуба Эксетер-Колледжа, судя по цитате из протокола заседания данного клуба от 10 марта 1920 г., которую приводит Дж. Гарт в статье *Tolkien, Exeter College and the Great War*: “As a discovery of a new mythological background Mr Tolkien’s matter was exceedingly illuminating and marked him out as a staunch follower of traditions, a treatment indeed in the manner of such typical Romantics as William Morris, George Macdonald, de la Motte Fouquet etc.” // <http://www.johngarth.co.uk/index.php>

(Как открытие новых мифологических данных, текст м-ра Толкина был весьма познавательным, и автор предстал в нем верным последователем традиций; это была трактовка (темы) совершенно в стиле таких типичных романтиков, как Уильям Моррис, Джордж Макдональд, де Ла Мотт Фуке и т.д.).

⁹ Так как печатного текста английского перевода «Ундины» у нас в наличии не оказалось, все цитаты приводятся по электронной версии:

http://www.public-domain-content.com/books/Fouque_Undine/index.shtml

Русский текст приводится по изданию: Де Ла Мотт Фуке Ф. Ундина //Серия «Литературные памятники». - М., «Наука», 1990

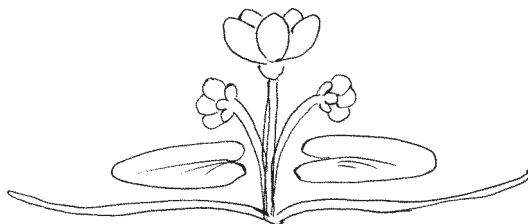
¹⁰ Интересный анализ этимологии имени Galad(h)riel содержится в статье Э. де Росарио Мартинеса *Tree and Light: A Survey Through the External History of Sindarin*// <http://www.elvish.org/Tengwestie/articles/DeRosarioMartinez/lightandtree.phtml>

¹¹ В окончательном тексте ВК при описании пейзажа, окружающего жилище Келеборна и Галадриэли, фонтан или источник (причем *белого* цвета) также является немаловажной деталью: They went along many paths and climbed many stairs, until they came to the high places and saw before them amid a wide lawn a fountain shimmering. It was lit by silver lamps that swung from the boughs of trees, and it fell into a basin of silver, from which a white stream spilled (LotR, book II, *The Mirror of Galadhriel*) (Они прошли множество троп и множество лестниц, прежде чем оказались на возвышенности и увидели перед собой, посреди широкой поляны, сверкающий фонтан. Его освещали серебряные светильники, подвешенные на ветвях деревьев, и он падал в серебряный бассейн, из которого лился белый поток).

¹² Возможные однокоренные - Duilin, Finduilas. Впрочем, в NotH дается только толкование «живущий в пещере».

¹³ Здесь, возможно, тоже есть параллель с историей Лутизни: все, что известно о характере Лутизни до встречи с Береном - любовь к пению и танцам, и только встреча с Береном учит ее любить и страдать и пробуждает в ней мужество, стойкость и самоотверженность.

¹⁴ Возможно, здесь еще и скрытая игра с реально существующими языками: латинскому *ulmus* соответствует английское *elm*, обозначающее «вяз» (в свою очередь, вяз - дерево, в западноевропейском фольклоре связанное с эльфами и феями; это отразилось и в раннем легендарии Толкина - ср. топоним *Alalminore*, «Земля Вязов»).

Известно, что профессор Дж. Р. Р. Толкин в своей работе над миром Арды, вытекшей из стремления создать собственную английскую мифологию, опирался на такие факты культуры народов Европы, как скандинавские «Эдды», героическая поэма «Беовульф», написанная на древнеанглийском языке, но повествующая о жизни датчан, и карело-финский эпос «Калевала». «Калевала» примечательна тем, что не дошла до наших дней из Средневековья, как письменные памятники, коими являются «Эдды» и «Беовульф», а была составлена финским языковедом (имеющим медицинское образование) Элиасом Ленротом из разрозненных народных песен (рун) в середине XIX века (первое издание появилось в 1835 году, второе и окончательное - в 1849). Таким образом, «Калевала» во многом поспособствовала формированию национального финского самосознания (до начала XIX века Финляндия столетия принадлежала Швеции, чья культура фактически подменила ее собственную). Из этого можно сделать вывод об особой близости работ Толкина и «Калевалы» - они имели одну и ту же цель (не то, чтобы англичане страдали от нехватки национального самосознания, но Толкина тяготила некоторая ущербность своей родины, связанная с отсутствием у ее народа собственных исконных легенд). Сам Профессор отмечал, что карело-финский эпос оказал на него большое влияние: «These mythological ballads are full of that very primitive undergrowth that the literature of Europe has on the whole been steadily cutting und reducing for many centuries with different and earlier completeness among different people. I would that we had more of it left - something of the same sort that belonged to the English». Яснее всего прослеживаются параллели с «Калевалой» в истории Турина Турамбара, некоторые жизненные вехи которого совпадают с трагическими эпизодами судьбы Куллервойнена, описанной в рунах с тридцать первой по тридцать шестую.

Однако, учитывая установленную выше общность «Калевалы» с миром Толкина, не будет ли логичным попытаться найти и иные, пусть не столь явные, связи между двумя эпосами? Возможно, эта попытка может показаться глупой, поскольку при первом же взгляде у сравниваемых героев, Вяйнямейнена и Бомбадила, видно очень много различий, а общие черты, кажется, являются общими для персонажей эпоса любых наций, хотя Бомбадил и не похож на «культурного героя», коим является Вяйнямейнен (в этом плане финский герой гораздо больше схож с Гайаватой; кстати, можно сказать, что повествования об индейцах также некоторым образом повлияли на мировоззрение Профессора).

Тем не менее, автор, стараясь - или, лучше сказать «тщась» - следовать «теории северного мужества», предпринимает, возможно, безнадежную попытку осуществить деяние, кое считает должным совершить, - сравнить двух «вековечных песнопевцев».

Начнем с происхождения героев. С одной стороны, неизвестно, как впервые возник образ Вайнямейнена, с другой - известно его происхождение, согласно легенде. Из первой руны становится известно, что Ильматар, «дочери воздушного пространства» и «матери воды», «ветер плод надул», и она, беременная Вайнямейненом, «девять жизней человека» плавала в мировом океане. Тем временем, пока «старый, верный Вайнямейнен в чреве матери блуждает», происходит творение мира: утка снесла яйца на колено Ильматар, та дернулась, яйца упали в море, разбились, и из их осколков возникли земля, небо, солнце, месяц и звезды. Лишь после этого, уже старым «...родился Вайнямейнен, племени певцов удалых знаменитый прародитель...» Но это в изложении Ленрота - в собранных же и переработанных им народных рунах создателем мира, демиургом, предстает сам «вещий песнопевец».

С Томом Бомбадилом наоборот: известно, что облик его Толкин позаимствовал у тряпичной куклы, принадлежащей его сыну: «The doll looked very splendid with the feather in its hat, but John did not like it and one day stuffed it down the lavatory. Tom was rescued, and survived to become the hero of a poem by the children's father, "The Adventures of Tom Bombadil", which was published in the Oxford Magazine in 1934»¹ (Кукла была замечательная, с пером на шляпе, однако Джон ее невзлюбил и в один прекрасный день утопил в уборной. Тома таки спасли, и впоследствии он сделался героем стихотворения, написанного отцом мальчиков, «Приключения Тома Бомбадила». В 1934 году стихотворение напечатали в журнале «Оксфорд мэгэзин»).

Учитывая, что в этот период Толкин давно уже был знаком с «Калевалой» (а впервые в английском переводе он прочел ее в 1911 году; скорее всего, это был ставший классическим перевод Дж. М. Кроуфорда (1888), которым мы и пользуемся при цитировании²), и его собственная мифология, позже изложенная в «Сильмариллионе» (в частности, рассказ о детях Хурина), была уже достаточно проработана, можно предположить, что образы «Калевалы» прочно укоренились в его сознании, и он вполне мог наделить некоторыми чертами финских героев и своих персонажей, к будущему «Сильмариллиону» не относящихся, - а именно таким был изначально Том Бомбадил. Происхождение же Бомбадила и его статус в Эа, по желанию Профессора, остались загадкой: «Even in a mythological Age there must be some enigmas, as there always are. Tom Bombadil is one (intentionally), - замечает он в одном из писем, а в другом определяет его роль в повествовании. - In historical fact I put him in because I had already invented him. . . and wanted an 'adventure' on the way. But I kept him in, and as he was, because he represents certain things otherwise left out» (А ведь даже в мифическом Веке должна оставаться загадка-другая, как оно всегда и бывает. Вот, например, Том Бомбадил (умышленно)...³ Исторический факт состоит в следующем: я его включил потому, что уже «придумал» его... и мне нужны были «приключения» по дороге. Но я его сохранил, причем таким, каков он есть, поскольку он воплощает в себе некие вещи, которых в противном случае не доставало бы)⁴ Таким образом, Том Бомбадил придает миру Толкина реалистичности, многоплановости; нельзя в одном произведении отразить всю информацию, все пласты описываемого мира - Профессор этого и не делает, но показывает, что эти пласты имеются.

Сама личность Тома Бомбадила вызывала много споров: его называли и Эру, и Ауле (а Золотинку, соответственно, - Йаванной), и даже самим Толкином. Поскольку цель данной работы - не выяснение природы Бомбадила, а его сравнение с Вайнямейненом, то к сравнению мы и переходим.

Итак, Том считается старейшим из живущих, как и Вайнямейнен, то и дело называемый «старым». На это можно возразить, что прежде него была Ильматар, но ведь и Айнур, судя по всему, существовали до Тома; вообще сказано, что «раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней, раньше первых бед и засух, страхов и насилий был здесь Том Бомбадил... Все на памяти у Тома...» - вполне возможно, что он был порожден Единым не как отдельная личность (или народ, состоящий из единственного представителя, в определении Т. Шиши), а просто как неотъемлемая часть Арды. В любом случае, и Том и Вайнямейнен появились на земле прежде большинства людей (и не только людей) и природных объектов (Вайнямейнен во второй руне озабочен посадкой лесов, следовательно, и он был «прежде лесов»).

Элронд называет Тома Йарвеном Бен-Адаром - «старейшим, не имеющим отца». Не было отца, в строгом понимании, и у «старого, верного Вайнямейнена».

Том изъясняется стихами, как и Вайнямейнен, причем песенные заклинания обоих обладают значительной силой. Том легко усыпляет Золотинку, Старца Иву, барсуков и могильного духа, чинящих ему неприятности в «Приключениях Тома Бомбадила»:

Go out! Shut the door, and never come back after!
Take away gleaming eyes, take your hollow laughter!
Go back to grassy mound, on your stony pillow
lay down your bony head, like Old Man Willow,
like young Goldberry, and Badger-folk in burrow!
Go back to buried gold and forgotten sorrow

(- Прочь! Немедля дверь закрой! Сгинь в немую тьму!
Слушать твой загробный хохот Тому ни к чему!
В землю, скрытую травой, кости уноси!
Золотинка видит сны, спят и барсуки,
Старец Ива задремал, и тебе спать вскоре.
Клад могильный свой храни и бывшее горе!⁵)

Вайнямейнен же способен «напеть златую елку» и «петь с большой силой, чтоб поднялся бурный ветер». Погружение противников в сон он также практикует, правда, прибегая для этого к помощи музыкального инструмента - кантеле (в английском тексте это слово неточно переведено как «арфа», хотя, судя по описанию кантеле Вайнямейнена из щучьих костей, внешне оно действительно больше походило на арфу, чем на современное кантеле, напоминающее гусли):

Wainamoinen, wise and ancient,
Hastened to his harp of fish-bone,
And began his magic playing;
All of Pohya stopped and listened,
Every warrior was silenced
By the notes of the magician;
Peaceful-minded grew the soldiers,
All the maidens danced with pleasure,

While the heroes fell to weeping,
And the young men looked in wonder.

Wainamoinen plays unceasing,
Plays the maidens into slumber,
Plays to sleep the young and aged,
All of Northland sleeps and listens.

(Старый, верный Вайнямёйнен
Тотчас к кантеле подходит
И на нем играть садится.
Весь народ ослабил старец:
Все, уставши, повалились,
И, кто слушал, тихо дремлет,
Кто дивился, засыпает,
Детям, старцам - сон навеян
Вайнямёйнена игрою⁶.)

Поют оба героя и в мирное время, когда им ничто не угрожает, и темы их песен иногда схожи.

Wainamoinen, ancient minstrel,
Passed his years in full contentment,
On the meadows of Wainola,
On the plains of Kalevala,
Singing ever wondrous legends,
Songs of ancient wit and wisdom...
Now the tales of old-time heroes,
Tales of ages long forgotten,
Now the legends of creation...

(Старый, верный Вайнямёйнен
Проводил покойно время
В чащах Вайнёлы зеленых,
На полянах Калевалы.
Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой...
...Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхождение...)

Во «Властелине Колец» же Том Бомбадил told them [the hobbits] many remarkable stories..., tales of bees and flowers, the ways of trees, and the strange creatures of the Forest, about evil things and good things, things friendly and things unfriendly, cruel things and kind things, and secrets hiding under brambles («поведал хоббитам немало дивного..., рассказывал про тайны чащоб..., про злые и добрые, темные и светлые силы..., о временах незапамятных и непонятных...»).

Общий для многих легенд мотив схождения в подземное царство в поисках каких-либо благ не минул и «Калевалу», хотя там иной мир представлен двойко: с

одной стороны - мрачная северная страна Похъела, куда герои отправляются в поисках невест, а затем, чтобы отобрать волшебную мельницу Сампо, с другой - царство мертвых Туонела, куда Вайнямейнен отправляется - то чтобы добыть три волшебных слова для постройки лодки, то в поисках «буравчика», чтобы «наладить сани». А неподалеку от жилища Тома Бомбадила расположены Могильные Курганы (для большего сходства, можно отметить, что Сампо была спрятана «в глыбе Похъелы скалистой, в недрах медного утеса»). Спасая хоббитов от умертвия, Том отправляется в Курганы, и добывает там ценные вещи: кинжалы для хоббитов и сапфировую брошь для Золотинки.

Оба героя путешествуют на лодке, а Вайнямейнен, который сам себе строит лодку, даже не единожды. Впрочем, возможно, и Том многократно плывал по Ветлянке и Брендидуину на собственноручно изготовленной лодке, раз в начале «Лодочной прогулки Бомбадила» она у Тома уже имелась, и он намеревался ее починить.

На этом более-менее очевидные сходства героев заканчиваются. Но параметров, по которым можно сравнивать «вековечных песнопевцев», и схожих ситуаций, в которых они оказываются, еще достаточно много.

Так, оба намереваются взять в жены водяных дев - Золотинку, «ундину» и «дочь Реки», и Айно, «утонувшую в волнах вод широкошумных». Между этими эпизодами два основных различия: во-первых, Золотинка с самого начала была ундиной, а Айно утонула и обратилась в морскую деву уже после знакомства с Вайнямейненом, во-вторых, Тому в любви повезло:

He caught her, held her fast! Water-rats went scuttering,
reeds hissed, herons cried, and her heart was fluttering.

Said Tom Bombadil: "Here's my pretty maiden!

You shall come home with me! The table is all laden:
yellow cream, honeycomb, white bread and butter;
roses at the window-sill and peeping round the shutter.

You shall come under Hill! Never mind your mother
in her deep weedy pool: there you'll find no lover!"

Old Tom Bombadil had a merry wedding...

(Крепко обнял Том ее. Ну, переполох!

Врассыпную удирают выдры, как горох,

Цапли в крик, тростник трепещет, дева вся дрожит...

- Душенька, пойдешь со мной! - Том ей говорит:

- Стол накрыт: там желтый мед, белый хлеб и масло,

В окнах розы и жасмин, значит, все прекрасно.

Позабудь родных озер мокрые цветы,

Здесь любви тебе не встретить и не обрести!

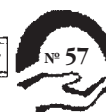
Свадьбу весело и споро Бомбадил сыграл...)

а Вайнямейнену - нет: Айно не хотела замуж за старика и, опечаленная, ушла купаться в море, где и утонула, и, хотя песнопевец сумел ее выловить, она вырвалась, и Вайнямейнен до поры остался одинок:

But he did not catch the sea-maid,

Not Wellamo's water-maiden,

Fairest daughter of the Northland.

(Не поймал он милой рыбки,
Той, о кой он только думал,
Что у Велламо русалкой,
Что у Ахто всех прекрасней).

Хотя, на первый взгляд, волшебство Вайнямейнена сильнее волшебства Бомбадила (напетая золотая ель и «всего лишь» усмирение обитателей Старого Леса), Том кажется неуязвимым в своих пределах. Вайнямейнена же можно серьезно ранить (впрочем, как далее явствует из текста «Калевалы», Вайнямейнена можно было ранить железом, потому что он еще не знал специальных «слов» для общения с ним, и исцелить раны Вайнямейнена сумел только кузнец Ильмаринен, «приручивший» железо своими песнями и заклинаниями):

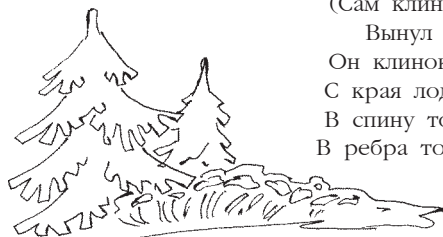
Turns aside the axe in falling,
Strikes the rocks and breaks to pieces;
From the rocks rebound the fragments,
Pierce the flesh of the magician,
Cut the knee of Wainamoinen.
Lempo guides the sharpened hatchet,
And the veins fell Hisi severs.
Quickly gushes forth a blood-stream,
And the stream is crimson-colored.

(Лезвие вонзилось в тело,
Мужу бедному в колено,
В палец на ноге у Вайнё;
Лемпо режет старцу тело,
Жилы Хийси разрывает,
Кровь тут хлынула потоком,
Потекла со всею силой).

Вайнямейнен способен на убийство (хотя убивает он только по необходимости). Например, в руне сороковой он убивает огромную щуку, которая мешает проплыть его кораблю:

Draws his fire-sword from his girdle,
Wields the mighty blade of magic,
Strikes the waters as the lightning,
Strikes the pike beneath the vessel,
And impales, the mighty monster...

(Сам клинок свой вынимает,
Вынул острое железо:
Он клинок вонзает в волны,
С края лодки вглубь вонзает,
В спину той огромной щуки,
В ребра той морской собаки).

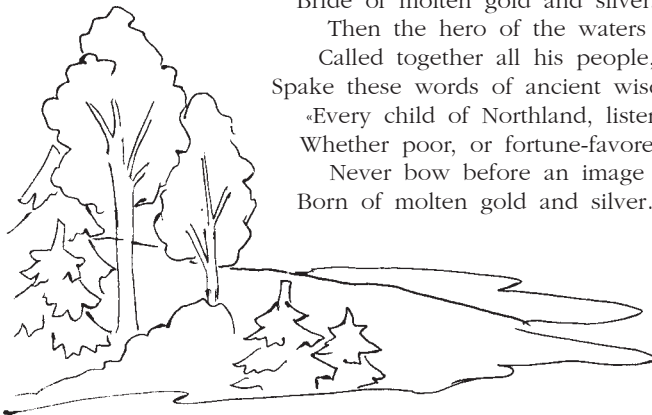
Том Бомбадил в сходной ситуации (когда его атакует огромная рыба) ограничивается угрозами:

Rings swirled round his boat, he saw the bubbles quiver.
Tom slapped his oar, smack! at a shadow in the river.
"Hoosh! Tom Bombadil! This long since last I met you.
Turned water-boatman, eh? What if I upset you?"
"What? Why, Whisker-lad, I'd ride you down the river.
My fingers on your back would set your hide a-shiver."

(Забурлила вдруг вода, круги бегут везде.
Том весло взметнул и - шмяк! - чью-то тень в воде.
- Фух! Том Бомбадил! Здравствуйте, добрый вечер.
В лодке, чай? Ну, окуну за такую встречу!
- Ты кому грозишь, усач? Я ж верхом вскочу,
Крепкой хваткой на спине шкурку-то спущу!)

Сцена во «Властелине Колец», в которой выясняется, что Единое Кольцо не властно над Томом Бомбадиллом, и Том отчитывает Фродо за то, что он надел Кольцо: Come, Frodo, there! Where be you a-going? Old Tom Bombadil is not as blind as that yet. Take off your golden ring! Your hand's more fair without it. (Как тебя, Фродо, что ль? Брось озорничать-то! Ишь ведь - выцвел, ровно моль... Ну-ка возвращайся! Да сними свою игрушку - без нее ты лучше), - вызывает некоторые ассоциации с финалом тридцать седьмой руны «Калеваль». Ильмаринен оплакивает свою жену-похъяланку, убитую Куллерво, и выковывает себе золотую жену, но оказывается, что от той исходит «холод» и «мороз страшный», и Ильмаринен относит статую Вайнямеянену, но песнопевец работу кузнеца не одобряет:

Wainamoinen, old and truthful,
Looked in wonder on the virgin,
On the golden bride of beauty,
Spake these words to Ilmarinen:
«Wherefore dost thou bring this maiden,
Wherefore bring to Wainamoinen
Bride of molten gold and silver?..»
Then the hero of the waters
Called together all his people,
Spake these words of ancient wisdom:
«Every child of Northland, listen,
Whether poor, or fortune-favored:
Never bow before an image
Born of molten gold and silver...»

(Старый, верный Вайнямейнен
 То увидел изваянье,
 Бросил взор на это злато,
 Говорит слова такие:
 «Ты зачем привез мне это,
 Это чудище златое?»...
 ...Запретил тут Вайнямейнен,
 Не велел Сувантолайнен
 Поколениям грядущим,
 Возрастающему роду
 Перед золотом склоняться,
 Серебру уступки делать...)

Можно сделать вывод, что ни Тому, ни Вайнямейнену не знакомы собственнические чувства, которые провоцирует Кольцо, и в чем-то родственные им мотивы, руководствуясь которыми Ильмаринен делает золотую жену. Можно назвать такие, не свойственные обоим героям, характеристики фетишизмом (например, желание Голлума обладать Кольцом как таковым) или идолопоклонничеством (статуя жены). Пожалуй, если Том не страдает фетишизмом, то и идолов ему не нужно; также и для Вайнямейнена Кольцо будет ценно только как волшебный инструмент, подобный упомянутому выше кантеле. И в этом заключается главное различие между песнопевцами: если Том Бомбадил «замкнулся в своем Заповедном Крае» и не интересуется внешней политикой, то Вайнямейнен много путешествует, добывая различные блага для себя и народа Калевалы.

Вайнямейнен - так называемый «культурный герой», мифический полубог, почитаемый как основатель народа и создатель его культурного и материального достояния (как, например, Прометей, принесший людям огонь, или Гайавата, научивший индейцев выращиванию маиса, почитанию мертвых и т.п.), тогда как Том Бомбадил - сам себе народ, который, к тому же, по словам Толкина, дал «vow of poverty» (обет бедности)⁷. Вайнямейнен инициирует сеяние лесов и вырубку деревьев под ячменные пашни, Тома же трудно представить рубящим деревья (хотя свой дом он как-то все-таки построил). «Вековечный песнопевец» то и дело обращается к «вековечному кователю», чтобы тот изготовил ему различные оружия и орудия:

Forge me now the sword of battle,
 Forge for me the mighty fire-sword...
 O thou blacksmith, Ilmarinen,
 Forge for me a rake of iron,
 Thickly set the teeth of copper,
 Many fathoms long the handle...
 (Только ты клинок мне выкуй,
 Огневой мне меч устрой ты...
 ...О кователь Ильмаринен!
 Ты вчера ковал, работал,
 Ты покуй еще сегодня,
 Скуй мне грабли из железа...)

притом и сам не гнушаясь кузнечного ремесла:

И тотчас же Вайнямейнен
 Приготовился к кованью,

Начал он ковать железо:
Обратил рубашку в кузню,
Рукава мехами сделал...

Здесь можно было бы припомнить, что некоторые считали Тома Бомбадила воплощением Ауле, валы-кузнеца, и таким образом, указать на еще одну его общность с Вайнямейненом. Однако сам Толкин о подобной гипотезе о личности Тома ничего не говорил, а на страницах «Приключений Тома Бомбадила» и «Властелина Колец» Том с железом не работает, следовательно, здесь имеет место не сходство, а различие.

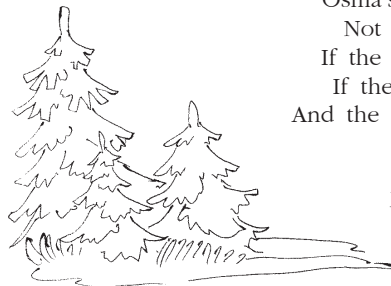
Том Бомбадил представляет, в определении Толкина, «a natural pacifist view» (естественный пацифистский взгляд на вещи)⁸, природу вне взаимосвязи с человеком, тогда как Вайнямейнен, пожалуй, воплощает стремление людей освоить природу, поставить ее себе на службу. И хотя песнопевец порой предстает довольно жестоким (впрочем, эта жестокость предстает до некоторой степени оправданной: так, спящего уже много веков великана-мудреца Випунена иным способом разбудить было просто невозможно):

Now he thrusts his staff of iron
Through the mouth of wise Wipunen,
Pries his mighty jaws asunder...
Wise Wipunen, ancient singer,
Quickly wakens from his sleeping,
Keenly feels the pangs of torture...

Кол железный он втыкает,
Випунену в рот огромный...
...Випунен, певец заклятий,
Оставляет сон глубокий;
Он удар жестокий чувствует,
Ощущает он страданье...

от Саурона и Сарумана с их дымными машинами и выжженными землями Вайнямейнен гораздо дальше, чем от Тома Бомбадила. Он кует и рубит деревья потому, что, как писал Толкин в неоконченном произведении «Новая Тень»: «Дети Единого владеют миром... все, что есть в Теме - для них и во благо их, и всем они могут пользоваться, без гордыни и расточительства, но с почтением. Если даже самому маленькому из детей лесоруба станет холодно, то самое могучее дерево, срубленное, чтобы обогреть его, не обижено». Вайнямейнен эксплуатирует природу в своих интересах, но и проявляет заботу о ней, и учит этому прочих:

Hark! the titmouse wildly crying,
From the aspen, words as follow:
"Osma's barley will not flourish,
Not the barley of Wainola,
If the soil be not made ready,
If the forest be not levelled,
And the branches burned to ashes."

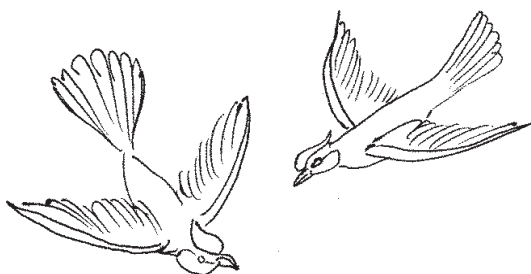

Wainamoinen, wise and ancient,
Made himself an axe for chopping,
Then began to clear the forest,
Then began the trees to level,

Felled the trees of all descriptions,
 Only left the birch-tree standing
 For the birds a place of resting,
 Where might sing the sweet-voiced cuckoo,
 Sacred bird in sacred branches.

(Вот поёт синица с ветки:
 «Не взойдет ячмень у Осмо,
 Калевы овес не встанет,
 Не расчищено там поле,
 Там не срублен лес под пашню,
 Хорошо огнем не выжжен».
 Старый, верный Вайнямейнен
 Тут топор устроил острый,
 Вырубать леса принялся,
 Побросал их на поляне.
 Посрубил он все деревья;
 Лишь березу он оставил,
 Чтобы птицы отдыхали,
 Чтоб кукушка куковала).

Еще одна важная черта Вайнямейнена как «культурного героя» - периодически встречающиеся в «Калевале» поучения и наставления будущим поколениям - «растущей молодежи», «подрастающему народу». Например, в шестнадцатой руне песнопевец говорит, что никому нельзя самовольно спускаться в «сумрачные жилища Туони» - то есть, запрещает суицид, - а в девятнадцатой руне устанавливает законы брака и семьи:

Thus the ancient Wainamoinen
 Sends the edict to his people:
 "Old men must not go a-wooing,
 Must not swim the sea of anger,
 Must not row upon a wager,
 Must not run a race for glory,
 With the younger sons of Northland."

(Не позволил Вайнямейнен,
 Запретил Сувантолайнен
 Старцу свататься седому
 Женихом к девице юной...)

В начале данной статьи говорилось об общности работ профессора Толкина и «Калевалы», но не было упомянуто самого главного: оба произведения (а все работы Профессора, касающиеся Эа, можно назвать одним большим произведением) написаны христианами. И если прямые ссылки на Библию и нравоучения во «Властелине Колец» отсутствуют, то поучающий калевальцев Вайнямейнен в последней, пятидесятой, руне уступает место рожденному от брусники сыну девушки Марьятты, которого при крещении нарекают королем Карелии - и здесь можно усмотреть параллель с Христом. В конце руны Вайнямейнен уплывает, подобно толкиновским эльфам, предоставляя людей самим себе (с той лишь разницей, что, по Толкину, людям на момент ухода эльфов еще далеко до христианства), и вместе с ним уходит легендарная, волшебная эпоха. Но, как и эльфы, Вайнямейнен не забыт - он людям

...кантеле оставил,
Суоми чудную усладу,
Радость вечную - народу,
Своим детям - свое пенье

(But he left his harp of magic,
Left his songs and wisdom-sayings,
To the lasting joy of Suomi)

Том Бомбадил же, видимо, никуда не уплывает. Из этого следует, что Вайнямейнен более сходен не с ним, а с эльфами, которым Толкин отдал роль «культурных героев» Средиземья. Хотя это и походит на нелюбимую Профессором аллегория, подводя итог, можно сказать, что Вайнямейнен и Том Бомбадил соотносятся как человек и природа, как живущий и жизнь.

Примечания

¹ Carpenter H. J.R.R. Tolkien: A Biography. - L., 1995. Русский перевод приводится по изданию: Карпентер Х. Джон Р.Р. Толкин. Биография - М.: ЭКСМО-Пресс, 2002

² Текст английского перевода приводится по:

<http://www.sacred-texts.com/neu/kveng/index.htm>

³ Из письма к Наоми Митчисон, 25 апреля 1954 г. Русский перевод приводится по изданию: Толкин Дж. Р.Р. Письма. М.: Эксмо, 2004.

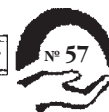
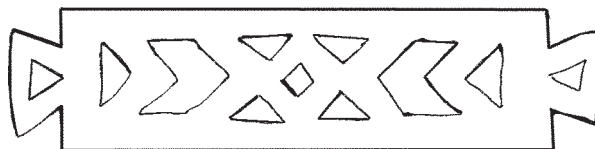
⁴ Из черновика письма к Питеру Гастингсу, сентябрь 1954 г. Русский перевод приводится по изданию: Толкин Дж. Р.Р. Письма. М.: Эксмо, 2004.

⁵ Перевод дается по: Толкиен Дж.Р.Р. Собрание сочинений в 4 томах. Том I - Хоббит; Приключения Тома Бомбадила; Волшебные сказки. - Тула: «Филин», 1994. - С. 261-310.

⁶ Русский перевод «Калевалы» приводится по: Калевала /Серия «Библиотека народно-поэтического творчества». - Л.: Лениздат, 1984 (пер. Л.П. Бельского)

⁷ Из письма к Наоми Митчисон, 25 апреля 1954 г.

⁸ Там же

Я подбиралась к истории падения Дориата с разных сторон - точнее было бы сказать, к истории дориатской главы. И теперь еще один поворот неожиданно оказался результатом подготовки к так и не сыгранной роли...

Суммируя сделанное в предыдущих докладах¹, напомним: над формированием главы «О падении Дориата» редактору² пришлось немало потрудиться, поскольку более-менее подробные тексты были достаточно ранними, более поздние - краткими и отрывочными и вместе не позволяли составить версию событий, не противоречащую самой себе и окружающим сюжетам. В результате в состав печатного «Сильмариллиона» попала фактически *новая* версия событий, многие детали которой не имеют аналогий собственно в текстах Толкиена. К ним относятся, например, Наугламир, *изготовленный некогда для Финрода* (а не сразу для Тингола), а также оформление самой сцены смерти Тингола - когда он гибнет, убитый гномами в глубинах собственного пещерного дворца, а не вне его - на охоте («Утраченные сказания») или как-либо иначе (см. заметку к «Повести Лет» D2, которая будет рассмотрена позже).

Однако некий основной смысл событий остается неизменным: Тингол гибнет в результате разногласий с гномами, и войско гномов покидает Дориат... Что же происходит дальше?

В одном сходятся практически все тексты: после смерти Тингола Дориат также покидает и Мелиан. Вот об этом событии и хотелось бы поговорить. Мне кажется, его нередко воспринимают скорее «по Звирьмариллиону» («*Со смертью Тингола Мелиан больше ничто не удерживало в Средиземье - такие мелочи, как целый народ, продолжающий на неё надеяться, или дочка с внуком, в счёт не шли*»³). Возможно, на подобную точку зрения снова оказала влияние также и работа редактора (что мы не в первый раз наблюдаем в «Сильмариллионе»). Рассмотрим для начала кратко события с точки зрения печатного «Сильмариллиона».

После гибели Тингола (внезапно убитого гномами где-то в «глубинных кузнях» в Менегроте) гномы из Менегрота как-то «выбрались» - заметим, и Мелиан появляется

в повествовании только когда, когда их догнали и в основном перебили, «Наугламир же был отобран и с великой скорбью принесен владычице Мелиан».

Гномы замышляют месть, а мы между тем узнаем еще немного о мыслях и действиях Мелиан.

Мелиан долго сидела, безмолвная, у тела владыки Тингола, (...) и знала она, что ее разлука с Тинголом предвещает еще более тяжкую разлуку и что рок Дориата близок к свершению. (...) ...долгое время Завеса Мелиан хранила Дориат от лиха. Теперь же Тингол был мертв, и дух его ушел в чертоги Мандоса; а с его смертью изменилась и Мелиан. В то время власть ее ушла из лесов Нэльдорефа и Рэгиона, (...) и Дориат стал беззащитен перед врагом.

Мелиан не сказала ни слова никому, кроме Маблунга, ему же велела беречь Сильмариль и послать спешно весть в Оссирианд, Берену и Лутиэн; а затем она исчезла из Средиземья и ушла за западное море, в край валаров...

Сразу за этим сообщается, что войско гномов именно потому сумело вернуться незамеченным, что завесы более не было. Таким образом, уход Мелиан и дальнейшее разорение Дориата (и гибель Маблунга, кстати) оказываются напрямую связанными. При этом уходе ее (напрямую в Валинор) не приводится никакой иной причины или обоснования, кроме неконкретного «с его смертью изменилась и Мелиан».

Здесь действительно есть немало странного и необъяснимого. Но самое интересное - и, наверное, не столь уж неожиданное для тех, кто интересовался текстологией дориатского сюжета, - то, что собственно толкиеновские тексты рассказывают нам несколько другие истории. (Именно так, во множественном числе). И общего у них с приведенным пассажем - пожалуй, в целом два факта: Тингол гибнет, а Мелиан уходит из Дориата.

Давайте попробуем все же разобраться с тем, что нам рассказывают тексты.

(Оговорюсь сразу: я не собираюсь в этом докладе давать оценку действиям Мелиан. Я только разбираюсь с вопросами: что говорят нам тексты о том, куда и зачем ушла Мелиан из Дориата - а также о некоторых связанных с этим фактом событиях. Дальнейшие выводы из этой информации каждый может делать сам).

Начнем мы с “Утраченных Сказаний”, потому что впервые история о гибели Тингола появляется там - и там она была в первый и последний раз достаточно подробно описана. При этом, - что, я думаю, опять же многих не удивит, - версия Утраченных Сказаний при наличии некоторых общих черт с версиями прочих текстов содержит и достаточно много отличий, представляя самостоятельный «извод» этого сюжета.

Вот и конкретный пример - завязка ситуации, гибель Тингола. Тингол (а точнее, Тинвелинт) гибнет в этой истории на охоте, где его подкарауливают гномы, рядом с ним, спина к спине, сражается и гибнет также Маблунг.

Мотив гибели Тингола вне Менегрота еще появится в текстах, причем достаточно поздних (а в «средних» по дате текстам, ввиду краткости, место его гибели просто не указано), а вот о смерти Маблунга у нас больше никаких сообщений нет; мало того, в одном из поздних текстов («Эльфвине и Дирхаваль», что-то вроде предисловия к

«Нарн и Хин Хурин») есть краткое упоминание, из которого можно заключить, что Маблунг дожил по крайней мере до Гаваней Сириона⁴.

Но вернемся к нашей истории. Гномы врываются в Менегрот, грабят его, приносят с собой голову Тинвелинта, но его супругу Гвенделин захватить не могут, хотя и пытаются.

И так ушла Гвенделин из тех мест, где жила она долго, и плач ее наполнил лес. И великая тьма пала на нее, и мудрость ее и знания покинули ее. И долго скиталась она, не зная, куда пойти, из-за любви ее к Тинвелинту, ради которого отказалась она возвратиться в Валинор, к красоте Богов, жившая всегда в диких лесах Севера. Но сейчас не казалась ей ни красивой, ни счастливой жизнь в Валиноре или во Внешних Землях.

Таким образом, Гвенделин уходит неведомо куда, но в Валинор пока возвращаться не собирается. Через некоторое время она выходит к Берену и Лютуиен. К тому времени Хуан (который в этой истории так и не гибнет) принес им вести о случившемся, а эльф-предатель Уфедин, помогавший гномам, а потом сбежавший от них, рассказал непосредственно о продвижении гномьего войска. Так что Берен уже устроил вместе с эльфами засаду на гномов, и Наутлафринг - Ожерелье Гномов - уже украшает Тинувиэль. При появлении Гвенделин безумие нападает уже на Уфедина (который убегает неведомо куда), а Гвенделин оно, напротив, покидает. И первыми же ее словами, о которых мы узнаем, оказываются предостережения относительно ожерелья, на котором лежат различные проклятия (от дракона, от крови, пролившейся из-за него, и, видимо, проклятие Мима - а, кроме того, «долго пребывал Сильмарил в короне Мэлько, которую ковали злые кузнецы»). Затем «Гвенделин довольно долго жила с ними в лесах и была излечена, но в конце концов с сожалением ушла она обратно в сады Лориэна и никогда более не появлялась в сказаниях обитателей Смертных Земель»

Запомним здесь прежде всего «отрицательную» характеристику Наутламира и самого Камня.

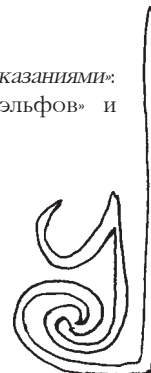
А теперь, забегая вперед, посмотрим, что же похоже и непохоже у версии «Утраченных Сказаний» и всех прочих версий. Скажу сразу: нигде более не возникает безумие Мелиан, а, соответственно, и **случайность** ее прихода к Берену и Лютуиен. А вот сама встреча, а также те или иные вести, связанные с произошедшим, которые передает именно Мелиан, остаются. И в силу краткости дальнейших текстов интереснее всего будет посмотреть, какие же это вести.

В «Наброске мифологии» еще видно немалое сходство с «Утраченными Сказаниями»: гномы проникают в Дориат благодаря предательству «некоторых эльфов» и подкарауливают Тингола на охоте.

Они же «...захватывают Тысячу Пещер и грабят их. Мелиан они не могут тронуть. Она уходит прочь на поиски Берена и Лютуиен».

То есть Мелиан уже с самого начала отправляется к ним. И приходит снова уже после битвы с гномами:

Но Мелиан предупредила Берена о проклятии золота и Сильмарила. Остальное золото утоплено в реке.

Об уходе Мелиан ничего не говорится, но в дальнейших событиях она никак не участвует.

В «Квенте» 4 тома, следующем по времени тексте, вновь говорится о том, что гномы не могли тронуть Мелиан, и о «направлении» ее ухода.

Но приходит она, видимо, раньше, и успевает сказать больше.

Этот брод [говорится здесь о переправе через Гелион - К.] гномы должны были пройти, прежде чем достигнуть своих жилищ, и здесь Берен сражался в последней своей битве, предупрежденный об их приближении Мелиан.

А уже после битвы «Мелиан предупредила их о проклятии, что лежит на сокровище и на Сильмариле».

Позже, уже при упоминании Диора, говорится о ее уходе в Валинор (как о прошлом событии).

Таким образом, концепция проклятого ожерелья (и проклятого Сильмарила) по-прежнему действует, но теперь Мелиан еще и оповещает Берена о приходе гномов. (Что неудивительно, поскольку история эльфа-предателя исчезает, а Хуан гибнет во время Охоты на Волка).

О войске же говорит Мелиан и в ранних «Анналах Белерианда» - и, кстати, только о нем:

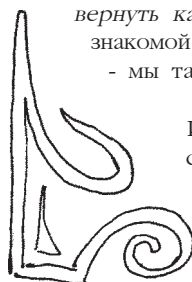
Берен, призванный Мелиан, разбивает гномов при Сарн-Атрад и бросает золото в реку Аскар... но Науглафринг и Сильмарил он берет.

Можно было бы предположить здесь некое изменение концепции «проклятого ожерелья», но нет полной уверенности в том, что дело не только в большей краткости текста «Анналов». Тем более что в «Анналах Белерианда» 5 тома от всей истории остается только одна фраза, связанная с Мелиан:

Но королеву Мелиан невозможно было убить или захватить, и она ушла в Оссирианд.

Кроме того, хотя «Квента Сильмариллион» 5 тома до дориатской главы, к сожалению, дописана не была, но здесь присутствует любопытный эпизод³ (и отсюда попадает в печатный «Сильмариллион»), который проливает свет по крайней мере на отношение Мелиан к собственно Сильмарилу. Речь идет о требованиях феанорингов к Тинголу незадолго до Нирнаэт - «вернуть им Сильмарил или стать их врагом». Как известно,

Тингол (по нескольким причинам) ответил отказом, хотя «Мелиан советовала ему вернуть камень...». Впрочем, на чем именно основывался её совет, - на уже знакомой нам концепции «проклятого камня» или на каких-то иных соображениях - мы так и не узнаём.

И поскольку это последний текст, относящийся к временам до ВК, а следующие версии ухода Мелиан из Дориата были записаны уже в 1950-х годах, можно подвести промежуточный итог.

Если мы возьмем все интересующие нас тексты, **кроме** «Утраченных Сказаний», то они в целом укладываются в рамки единой версии:

Мелиан после гибели Тингола уходит к Берену и Лютуиен, сообщает ту или иную информацию и через некоторое время уходит в Валинор. С некоторыми оговорками этой версии соответствует и ситуация «Утраченных Сказаний». Кроме того, видимо, достаточно живучей оказывается концепция «проклятого ожерелья» и «проклятого Сильмарила» - по крайней мере, никакой иной идеи кроме как не носить или отдать его, Мелиан пока не выдвигает.

Эти выводы очень пригодятся нам при сравнении с текстами 1950-х годов, где уже нельзя будет сослаться на краткость и особенности жанра *анналов*, хотя речь пойдет именно о них, и даже о набросках к ним.

Дело в том, что среди поздних текстов упоминания Мелиан безусловно есть, но далеко не все они касаются интересующей нас ситуации. Ни «*Серые Анналы*», ни «*Поздняя Квента Сильмариллион*» **снова** не доходят до истории падения Дориата; не были дописаны до этого и «*Скитания Хурина*»...

Однако существуют различные наброски продолжения «*Серых Анналов*» (которые обрываются на гибели Турина). Одни наброски, непосредственно продолжавшие погодные записи, в итоге выросли в те самые «*Скитания*», обрывающиеся практически «на пороге» Дориата.

Другие же, начинавшиеся как краткие выписки из **предыдущих** «*Анналов*» (то есть АВ V), существуют в нескольких версиях и доходят либо до конца Первой Эпохи, либо до событий, близких к нему - то есть включают и также и падение Дориата. Речь идет о так называемой «*Повести Лет*».

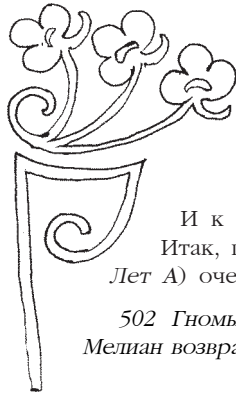
Давайте для начала разберемся, что это такое.

Дело в том, что «*Повесть Лет*» - это не просто несколько набросков, лежащих в чистом поле, которыми при случае с чистым же сердцем можно пренебречь.

«*Повесть Лет*»⁶, в соответствии со своим названием - это краткая погодная запись событий, причем **очень** краткая, в большей степени, чем те же «*Анналы Валинора и Белерианда*» - да еще и совпадающая с ними по датам. И первая их версия была примерно современно текстам пятого тома - тем же «*Анналам*» и «*Квенте Сильмариллион*», - но по причине совпадения дат и информации Кристофер Толкиен не стал их публиковать. Следующая версия появилась вместе с текстами поздней редакции - то есть 10-11 томов, 1950-х годов, после ВК - и «колебалась вместе с линией партии», то есть вместе с этими же текстами и развивалась. Если в «*Анналах Амана*» даты менялись по шесть раз, а в «*Поздней Квенте Сильмариллион*» появлялась новая история (и хронология) прихода Людей - всё то же самое появлялось и в «*Повести Лет*». И была бы она по-прежнему малоинформативна и нам неизвестна, если бы не одно обстоятельство: в отличие от «*Серых Анналов*» и «*Поздней Квенты Сильмариллион*» «*Повесть Лет*» была-таки **дописана до конца** Первой Эпохи. (По крайней мере, её первая версия.) Что и не удивительно: в самом нижнем «слое», до всех исправлений, она все еще была краткой выжимкой из «*Анналов Белерианда*» 5 тома, а они до конца Эпохи успешно доходят. А вот дальше началась уже самостоятельная история её финальных записей, никакому тексту не параллельная.

Из них получилось немало интересного - например, самый подробный после «*Утраченных Сказаний*» (несмотря на краткость) рассказ о разорении феанорингами

Дориата (и ему много чем обязан печатный «Сильмариллион») - но историей первого разорения Дориата они интересны ничуть не меньше. Потому что именно здесь (и только здесь) возникает на некоторое время версия, что гномов у пресловутого брода разбили вовсе не Берен и лесные эльфы, а Келегорм и Куруфин, однако Сильмарил им не достался, потому что его там и не было...

И к нашей истории это имеет самое прямое отношение.

Итак, первая версия поздней «Повести Лет» (известная нам как *Повесть Лет А*) очень кратка:

502 Гномы нападают на Дориат. Тингол сражен, его королевство пало. Мелиан возвращается в Валинор. Берен уничтожает войско гномов у Ратлоризэль.

Но уже в следующей версии, *Повести Лет В*, с этим абзацем происходят удивительные изменения.

Для начала к фразе «Берен уничтожает войско гномов у Ратлоризэль» добавляется: «и ранен в битве». А затем едва ли не сразу часть фразы зачеркивается, и вместо «Берен уничтожает» и «ранен в битве» появляется соответственно: «**Келегорм и Куруфин уничтожают**» и «**приходят в ярость, не обнаружив там Сильмарил**».

(В пределах этого и соседнего абзаца происходят также некоторые перемещения Диора, но мы посмотрим на них позже).

Итак, братья-феаноринги громят гномов, но Камня при оных гномах нет, и вот почему.

Разбираясь с гномами, мы упустили начало абзаца, а оно теперь звучит так:

*503 (...) Гномы нападают на Дориат. Тингол сражен, его королевство пало. Мелиан **отдает Наугламир Берену и Люттиен** и отправляется в Валинор...*

А затем уже следует рассказ о гномах.

К сожалению, при столь подробном разборе последующей фразы о предыдущей мы ничего сказать не можем. Мы не знаем, что было добавлено раньше: Келегорм и Куруфин, сражающиеся с гномами, или Мелиан, которая теперь вовсе не называет Сильмарил проклятым камнем и не запрещает его носить - а напротив, сама отдает его Берену и Люттиен - и, вероятно, именно с целью «устройства судьбы» Сильмарила уходит с ним из Дориата!

Итак, если «маршрут» Мелиан остался прежним, то цель его изменилась чуть ли не на противоположную! И эта цель (и вся эта версия) продолжает существовать, пока в «Повести Лет» появляются следующие, чуть более подробные варианты - С и D (а точнее, D1). Здесь происходит именно «распространение» текста, т.е. его объем увеличивается в каждой из этих версий, и, наконец, мы получаем следующее:

*503. Гномы **Белегоста и Ногрода** нападают на Дориат. **Король Элу** Тингол сражен, его королевство пало. Мелиан уходит, **уносит с собой Наугламир и Сильмарил**, и отдает их Берену и Люттиен. **Затем она покидает Средиземье** и возвращается в Валинор. Куруфин и Келегорм, **услышав о разграблении Дориата**,*

устраивают гномам засаду у бродов Аскара, когда те несут Драконье золото в горы. Гномы были разгромлены и понесли большие потери, но они бросают золото в реку, которую поэтому позже назвали Ратлоризель. Велик был гнев сыновей Феанора, когда они узнали, что с гномами не было Сильмарила; но они не осмелились напасть на Лютуен.

Таким образом, версия «имени Келегорма и Куруфина» существует некоторое время, а её модификация, где гномов громит Карантир, успевает попасть еще в один текст того времени - «Историю Галадриэли и Келеборна». К сожалению, мы не знаем, говорилось ли там что-нибудь о Мелиан (поскольку в «Неоконченных Сказаниях» приведен не сам текст, а его сокращенный пересказ), но, строго говоря, смена двух сыновей Феанора на третьего по идее никак не должна была отразиться на её пути и цели, если Сильмарил ему по-прежнему не достается.

Однако в «Сильмариллионе», как мы знаем, присутствует совсем другая версия, - а именно исходная, где гномье войско разбивает Берен. И дело тут не в одном редакторском произволе, но и в самом Толкиене. В комментариях к тому же тексту Кристофер говорит: «Однако, как оказалось, это не было его окончательной точкой зрения». Далее цитируется одно из писем, 1963 года (работа над «Повестью Лет» относится к 1950-м годам):

Он [Берен] перехватил армию гномов, спускавшихся с гор, которые ограбили королевство Дориат и сразили короля Тингола, отца Лютуен, и несли большую добычу, включая ожерелье Тингола с вправленным в него Сильмарилом.

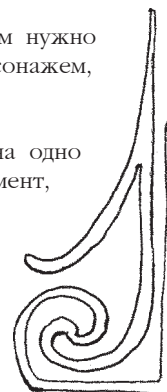
В итоге Сильмарил был возвращен, а помогали Берену в этом даже не эльфы Оссирианда, а энты - собственно, с упоминания в письме энтов и начался этот пассаж⁷.

Однако версии разновидности «один раз упомянуто в Письмах» иногда довольно странно соотносятся с основными текстами - что можно увидеть, например, при ближайшем рассмотрении истории «младенцев в водопаде»... Но давайте проверим, только ли в письме вновь возникает знакомая диспозиция? Сразу скажу: прямых упоминаний у нас нет (а не то их привел бы и Кристофер). Мелиан неоднократно упоминается в более поздних текстах, Берен - тоже, но контекст упоминаний не затрагивает непосредственно интересующие нас события.

А для того чтобы разобраться со свидетельствами непрямыми, нам нужно вернуться в истории вопроса назад и разобраться еще с одним персонажем, а именно с Диором.

Всей его истории мы затрагивать не будем, обратим внимание на одно событие: если Мелиан из Дориата уходит, то Диор в некий момент, напротив, приходит в Дориат и берет правление в свои руки. Отсюда вопрос: в какой именно момент?

Поскольку история Диора не является основным сюжетом этого доклада, я рассмотрю ее вкратце, суммировав данные по нескольким пунктам в таблице. Появление (и правление) Диора в Дориате начинается в любом случае после гибели Тингола, а вот от ухода Мелиан так

жестко не зависит. Кроме того, в близкое к этому время происходит другое важное событие - вторая смерть Берена и Лютуиен. Таким образом, Диор может отправиться в Дориат ДО или ПОСЛЕ ухода Мелиан в Валинор, а также ДО или ПОСЛЕ смерти своих родителей. Кроме того, иногда их смерть просто упоминается, иногда описан приходящий в Дориат вестник (тот самый, что приносит Сильмарил). Все эти данные отражены в **Таблице 1**. Туда также включен еще один пункт в двух своих вариантах: КТО разбивает войско гномов?

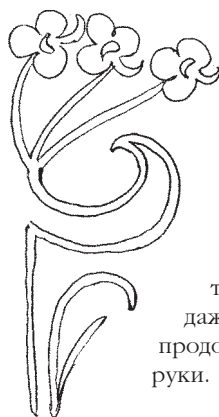
Именно с ответом на этот вопрос и связаны любопытные соотношения.

Заметим сразу, что две группы, на которые распадаются тексты «по гномам», отчетливо неравны. «Вариант Берена» включает не только больше текстов, они также относятся к временному промежутку от конца 1920-х гг. до начала 1960 г. А к «варианту феанорингов» мы четко можем отнести четыре текста, довольно компактно расположенных во времени (1950-е гг., к которым относится и текст «*О Галадриэли и Келеборне*»). Неудивительно поэтому, что они проявляют большее единообразие: во всех трех соответствующих вариантах «*Повести Лет*» Диор уходит в Дориат ДО смерти родителей и ПОСЛЕ ухода Мелиан в Валинор (а точнее, после **упоминания** об этом уходе). Можно достаточно уверенно утверждать, что эта диспозиция является одним из элементов данной версии событий - как и участие феанорингов и Сильмарил, который Мелиан приносит на Тол Гален. Наиболее наглядно это видно в *Повести Лет V*, где и происходит, как мы увидели, «линька» сюжетной линии: в процессе правки здесь случается не только замена Берена на феанорингов. В первоначальном варианте (то есть «при Берене») следующий аннал после 503 г. (где говорится о разгроме гномов) гласит:

505 (Весна) Вторая смерть Берена, умирает и Лютуиен. Диор Наследник Тингола носит Сильмарил и отправляется в Дориат.

В итоговом же варианте фраза об уходе в Дориат вычеркнута и переносится в предыдущий аннал:

503 (...) Келегорм и Куруфин уничтожают войско гномов в Ратлориэль; они приходят в ярость, не обнаружив там Сильмарил. Диор отправляется в Дориат.

Итак, если гномов разбивают сыновья Феанора, то Диор, вероятнее всего, появляется в Дориате до смерти родителей, но после ухода Мелиан. Заметим, что если гномов разбивает Берен, то это вовсе не гарантирует обратного: как я уже говорила, тексты здесь более разбросаны во времени и версии в них меняются. Так, вариант «до смерти родителей» здесь тоже встречается, и в целом по таблице он соотносится скорее с наличием упоминания *вестника*, от которого Дориат (и Диор) и узнают об их смерти (см. **Таблицу 2**).

Но «версия феанорингов» более компактна и единообразна - и тем интереснее нам взглянуть на *Повесть Лет D2*. Это (вроде бы) даже не очередной самостоятельный её вариант (наиболее поздний), а продолжение машинописной версии D1 - на том же листе, но уже от руки.

Причем продолжение идет даже не встык, а немного «заходит» на предыдущий текст: вариант D1 заканчивается 503 годом, а D2 тем же годом начинается. Впрочем, там к нему отнесено всего одно событие: рождение Эльвинг, в D1 не упомянутое, так что можно было бы счесть эту запись простым дополнением. Но кое-что этому мешает. Во-первых, в D1 под тем же 503 годом говорится о возвращении Диора **в Дориат** - а D2 начинается следующим образом:

503 Рождение в Оссирианде Эльвинг Белой, дочери Диора.

504 Диор возвращается в Дориат, и с помощью Сильмарила восстанавливает его, но Мелиан уходит в Валинор. Диор теперь открыто носит Наугламрир и Камень.

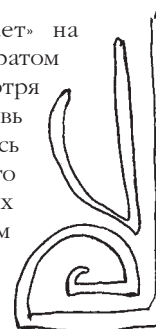
Если предположение, что Диор отбыл в Дориат, забыв в Оссирианде беременную супругу, было бы экзотично, но технически возможно, то вряд ли имеет смысл предполагать, что он «возвращался в Дориат» 2 раза - фразы двух вариантов совершенно идентичны, только расположены под разными годами.

Таким образом, получается, что между машинописным и рукописным текстом почти незаметно происходит смена версии событий?

...Что не удивительно, если присмотреться к первой из них. Толкиен не только собирался перенести часть событий на год вперед (хронологические подвижки в «Повести Лет» многочисленны), но и, как сообщают нам комментарии, поставил напротив фразы «гномы Белегоста и Ногрода нападают на Дориат» знак «X» и пометку «не могли» - усомнившись, таким образом, в возможности прохода враждебных гномов через Завесу Мелиан. Таким образом, необходимость некоего пересмотра событий назревала, видимо, наличная версия событий (воплощенная в «Повести Лет») перестала устраивать Толкиена... Возможно, именно поэтому «Повесть Лет» была оставлена - а новая версия, увы, так и не сформулировала в каком-то едином тексте... Но попробуем собрать некоторые намётки.

И вернемся между тем к Мелиан. В той же версии D2 нам встречается любопытная деталь: Диор прибывает в Дориат, а об уходе Мелиан в Валинор упоминается после этого! Притом что, как мы помним, одной из характерных черт «версии феанорингов» был как раз его приход туда ПОСЛЕ этого события. Не может ли это означать, что одним из пунктов, требующих ревизии, оказалось и участие феанорингов в этом сюжете ранее окончательного разгрома Дориата? Точно сказать невозможно, но вероятность тому есть - все-таки в более позднем тексте (в письме 1963 г.) Толкиен снова использует «версию Берена»...

Кроме того, есть одна любопытная деталь, которая «работает» на предположение, что эта новая версия могла быть одновременно «возвратом к прежнему» - в частности, к «версии Берена». Дело в том, что, несмотря на довольно подробный текст версий С и D1, именно в D2 вновь возникает несколько дат, которые до того в «Повести Лет» не появлялись и последний раз встречались нам в «Анналах Белерианда» 5 тома. Это упомянутое рождение Эльвинг, переговоры феанорингов с Диором, их же отречение от Клятвы и страдания от неисполненной Клятвы (на чем текст D2, к сожалению, и обрывается).

Но если гномов встретили у брода не феаноринги, тогда Мелиан, казалось бы, нет никакой нужды отправляться к Берену и Люттиен, чтобы отдать им Сильмарил - так куда же уходит Мелиан *теперь*?

Чтобы разобраться, попробуем напоследок собрать известные нам обрывки так и не написанной «после-феаноринговской» версии. За ними мы обратимся к двум заметкам, приведенным Кристофером в комментариях к той же «Повести», которые относятся, вероятно, примерно к тому же времени, но к совершенно другой группе текстов. Это две из множества разнообразных заметок, оставленных в процессе создания «Нарн и Хин Хурин», часть из которых могла относиться и к другим сюжетам.

Первая (приведена после версии С) рисует уже знакомую нам ситуацию с приходом Диора:

Рождение Диора (в Тол Галене?) в 470. Он появляется в Дориате после его разрушения, Мелиан радушно принимает его и его жену Элулин из Оссирианда.

Вспомним еще раз версию D2:

504 Диор возвращается в Дориат, и с помощью Сильмарила восстанавливает его, но Мелиан уходит в Валинор. Диор теперь открыто носит Наугламир и Камень.

Похоже, эти два отрывка существуют вполне в рамках одной версии, и ход событий мы можем восстановить примерно так: *вероятно*, Мелиан никуда не уходит из Дориата после его падения, но пребывает там по крайней мере до появления Диора, после чего уходит в Валинор. Таким образом, он фактически передает власть преемнику, который не случайно носит затем титул Элухиль - «наследник Элу».

Поскольку в отрывках никак не упоминается смерть Берена и Люттиен (следующий аннал D2 - уже переговоры феанорингов с Диором), то не очень понятно, как теперь это событие соотносится с уходом Диора (до или после?). Не очень понятна и траектория передвижения Камня: его возвращает в Дориат неупомянутый здесь вестник? Сам Диор? Или Сильмарил и не покидает Дориата и Диор получает его от Мелиан? У нас нет ответов на эти вопросы и неизвестно, успели ли они появиться у Профессора.

Некоторые сведения о судьбе Диора есть в текстах поздних статей, опубликованных в 12 томе. Интересно, что они соответствуют информации D2 о рождении Эльвинг в Оссирианде: в «Шибболете Феанора» упоминается название водопада в Оссирианде, где стоял дом Диора - Лантир Ламат, а «Проблема ROS» явно в согласии с этим говорит о рождении Эльвинг «в ясную ночь, когда свет звезд отражался в брызгах водопада, где был построен его [Диора] дом».

В таком случае для нас тем более интересно еще одно упоминание из «Шибболета», сделанное чуть раньше предыдущего:

...после их возвращения ко второй жизни Берен и Люттиен жили в Оссирианде, и там Диор жил после падения Дориата среди Зеленых эльфов этой лесной страны...

Поскольку здесь упоминается, что Диор жил в Оссирианде **после падения Дориата** - то есть, оставался там хотя бы некоторое время, можно предположить, что уходив в Дориат он может уже после второй смерти родителей - следующего ключевого

события этой истории. Трудно сказать однозначно, может ли это сочетаться с приведенной выше заметкой, где «он появляется в Дориате после его разрушения», поскольку не сказано, что это происходит **сразу после**.

В случае сочетания картина нашей реконструированной версии дополняется: в противоположность «версии феанорингов» Диор уходит в Дориат ПОСЛЕ смерти родителей, но ДО ухода Мелиан в Валинор. Приходит он туда с супругой и тремя детьми (поскольку его сыновья старше Эльвинга), рожденными в Оссирианде.

Однако будем помнить, что на самом деле эти отдельные упоминания так и не сложились в единую версию, по крайней мере, ни в одном известном нам тексте, и Профессор мог задумываться и о других вариантах развития событий. Доказательство тому - еще одна заметка из материалов «Нарн», опять же приведенная в комментариях к «Повести Лет» (после вариантов D), которую Кристофер связывает с той самой ремаркой о гномах «не могли», каковая была началом ревизии версии D - и началом конца самой Повести:

В Дориат не могло войти вражеское войско! Нужно каким-то образом продумать вариант о том, как Тингола выманили или заставили вести войну за пределами королевства, и там он был сражен гномами. Затем Мелиан уходит, и гномы разрушают Дориат, не защищенный завесой.

Здесь Мелиан все же уходит - непонятно, куда и с какой целью, но зато ДО окончательного разорения Дориата гномами. Версию эту, похоже, Толкиену так и не удалось «каким-то образом продумать», но зато есть подозрение, что именно она дала некоторые черты версии печатного «Сильмариллиона»: уход Мелиан «в никуда» и без определенной цели (точнее, он имеет «внешнюю» цель - объяснить, как гномы проникли в Дориат), а также нашествие гномов ПОСЛЕ этого. Однако даже такая маленькая заметка не была использована редактором целиком - в «Сильмариллионе», как мы помним, Тингол гибнет в Менегроте, а не «за пределами королевства»⁸.

Но в смысле действий Мелиан эта версия оказалась наименее ясной - видимо, ввиду краткости заметки, где основная мысль была все же о гномах (и возможности их прохода), а не о супруге Тингола. Таким образом, версия эта оказалась даже более временной, чем «версия феанорингов», и так и не была полностью продумана, хотя цель её вполне ясна: логически переработать дориатскую историю, существовавшую подробно только в «морально устаревшей» версии «Утраченных Сказаний».

...Чего не скажешь о «версии феанорингов». Основные черты её сюжета ясны, но **зачем, почему и откуда** она? Еще можно примерно предположить, почему Профессор решил отказаться от этой коллизии: например, решил не усложнять историю феанорингов и Камня и не впутывать их в его историю напрямую ранее падения Дориата... Но как она появляется - и только ли в феанорингах суть дела? У меня есть некоторые соображения по этому вопросу, но они, похоже, составят предмет следующего доклада (который, возможно, будет представлен на Блинкоме).

А пока подведем итоги.

В подавляющем большинстве текстов Толкиена, затрагивающих данный сюжет, уход Мелиан - это не просто уход из Дориата и возвращение в Валинор. Её уход имеет цель, только цель эта со временем меняется: в ранних вариантах она предупреждает Берена и Лютуиен о вредоносности Сильмарила и Наугламира, затем - также о приближении войска гномов, несущих дориатскую добычу.

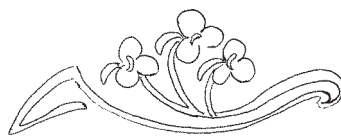

В текстах 1950-х годов ситуация меняется на противоположную: теперь Мелиан как раз заботится о судьбе Сильмарила и сама вручает его Берену и Люттиен.

Наконец, после отказа от этой версии Толкиен размышляет о других вариантах: например, о том, что враждебное войско гномов не могло пройти через Завесу. Однако в подробностях эта коллизия не была продумана и похоже, что в наиболее поздних текстах мы видим разрозненные черты еще одной версии, где Мелиан, возможно вообще не покидала Дориат до прихода туда Диора, и лишь затем уходила в Валинор, не оставляя при этом королевство без правителя.

А вот о том, почему именно она так сделала и была ли она в том права, и что она могла бы сделать или не сделать еще, каждый может размышлять самостоятельно...

Примечания

¹ **Одна Змея (Н. А. Соколова), Кеменкири (Е. Ю. Лебедева).** Здравствуй, глюк! или Сложные главы “Сильмариллиона” и коллективное бессознательное фэндомы («Палантир» № 53); **Екатерина Лебедева.** Почему Наугламир не был украшен змеями и другие подробности из жизни этого украшения (там же); **Лебедева Е. Ю.** Глава “О падении Дориата” - три стратегии редактирования («Палантир» № 55).

² Пр процитирую здесь пояснение, данное в последней из указанных выше статей:

«Текст главы содержит, строго говоря, три подсюжета: 1) завершение судьбы Хурина; 2) история Наугламира и гибель Тингола; 3) правление Диора и гибель Дориата. Это разделение справедливо не только в отношении сюжета, поскольку и тексты, послужившие источниками соответствующих частей, также различны - по объему, возрасту, жанру и иным особенностям. Следствием этого обстоятельства является то, что и редактор... выполнял на протяжении главы три достаточно различных вида работы».

³ С.О. Рокдевятый. Звирьмариллион. // Звирьмариллион. Сказочные повести. Саратов, ТОО «Курсив», 1994. С. 172 ;:-)

⁴ Таким образом, упоминание о гибели Маблунга уже при **втором** разорении Дориата, в самом Менегроте, - как мы видим в версии печатного «Сильмариллиона» - является, скорее всего, творческим вкладом редактора. Что же касается текста «Эльфвине и Дирхаваль», замечу также, что он не дает **никаких** намеков на дальнейшую судьбу Маблунга - например, не говорит о его гибели при взятии Гаваней.

⁵ Впервые упомянутый еще в «Квенте» 4 тома.

⁶ Дальнейшая информация происходит в основном из редакторских комментариев к самой «Повести Лет» и к началу «Анналов Амана» 10 тома.

⁷ Продолжение цитируемого пассажа в тексте письма: «У брода через одну из Семи Рек Оссира произошла битва, Сильмариль был отвоеван и так перешел к Диору, сыну Берена, и к Эльвинг, дочери Диора, и к ее мужу Эаренделю (отцу Эльроса и Эльронда). Не приходится сомневаться, что Берену, у которого не было никакой армии, пришли на помощь энты: что, конечно же, не способствовало любви между энтами и гномами» (письмо к полковнику Уорскетту, № 247, 20 сентября 1963 г.)

⁸ На что у редактора были свои причины. Таким образом, он как раз решал нерешенную Профессором проблему «как гномы прошли Завесу?» (Об этом см. статью «Почему Наугламир не был украшен змеями...»). А нынешняя заметка послужила ему для решения вопроса «А как туда проникло войско гномов потом?»

Таблица 1

	LT	ES	Q	AB IV	AB V	A	B	C	Nov CID	DI	D2	GC	Letter
Двор исследуется в Дурман			(+)	(+)	(+)	(+)			+		(+)		
... после улова Мелван		(+)	(+?)				+	+		+			
... ДО смерти родителей		(+)	(+)			?	(+?)				?		
Голова разбивает Борон	+	+	+	+	+	+	(+?)				?		+
Голова разбивает фальсификат							+	+		+	?		
Вспяние				+	+		-	+		+		+	

Таблица 2. («Таблица с вестниками»)

	LT	ES	Q	AB IV	AB V	A	B	C	Nov CID	DI	D2	GC	Letter
Двор исследуется в Дурман			(+)	(+)	(+)	(+)			+		(+)		
... после улова Мелван		(+?)					+	+		+			
... ДО смерти родителей		(+)	(+)			?	(+?)				?		
Голова разбивает Борон	+	+	+	+	+	+	(+?)				?		+
Голова разбивает фальсификат							+	+		+	?		
Вспяние				+	+		-	+		+		+	

Пояснения к таблице:

- LT – «Утренняя Сказка» (8 том «Бюролет Средневековья, 1916-1920 гг.)
- ES – «Бюролет информации для Самой Родной Сказки» (4 том, декабрь 1920-х гг.)
- Q – «Клетка Нолдуриана» (4 том, 1930 г.)
- AB IV – «Слова речева Ариана Болориса» (4 том, октябрь 1934 г.)
- AB V – «Слова Болориса» (3 том, октябрь 1937 г.)
- A, B, C, DI, D2 – Сюжет (отрывки) вырваны из повести Лета (11 том, 1936 г.)
- Nov CID – запись из материалов к «Бюролету» в «Повести Дюра» (в Топ Галине?) в 478 ... 4-м см. в тексте повести) (11 том, 1936-4 гг.)
- GC – «Галадриэль и Белорис» («Утренняя Сказка», 1939 г.)
- Letter – письмо 1961 г. с упоминанием о Бюролет и Лета, разбивает всею логикой («Письма», №217)

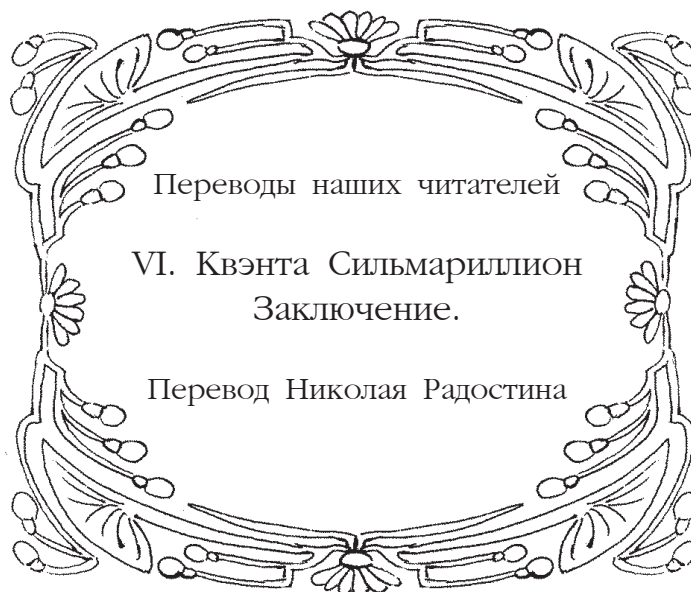
Обозначения:

- (+) – событие упомянуто в тексте
- (+?) – можно предположить, что событие произошло, но не было косвенных упоминаний
- (?) – возможно, подразумевается событие (только по доводу до него и т.д.)
- – событие в тексте часто не упомянуто (такое соответствие пересказано и т.д.)
- (+?) – возможно при наличии Повести В происходит описанное, но оно описано в таблице, но не описано в тексте

Выделение цветом:

В таблице 1 **шрифт выделен для строк** фант выделены цветом, использованы черные оттенки борнел - и черные соответствующие ей варианты обложки улова Дюра. Так же эти варианты обложки выделены в других колонках. **Итак выделены на черном фоне** обложки случаи применения черной обложки разбивает фальсификат - и черные обложки с ней обложка улова Дюра. Так же эти обложки выделены в других колонках.

В таблице 2 (тоб же по содержанию) **красным цветом выделены фант** выделены случаи упоминания о армоды выделены на Оскариса, соответствующие о смерти Борна и Лутиса - и выделены черным фант улова Дюра **ДО смерти родителей**. **Шрифт выделен для строк** выделены случаи упоминания о вестнике - и соответствующие варианты в случае с Дюром.

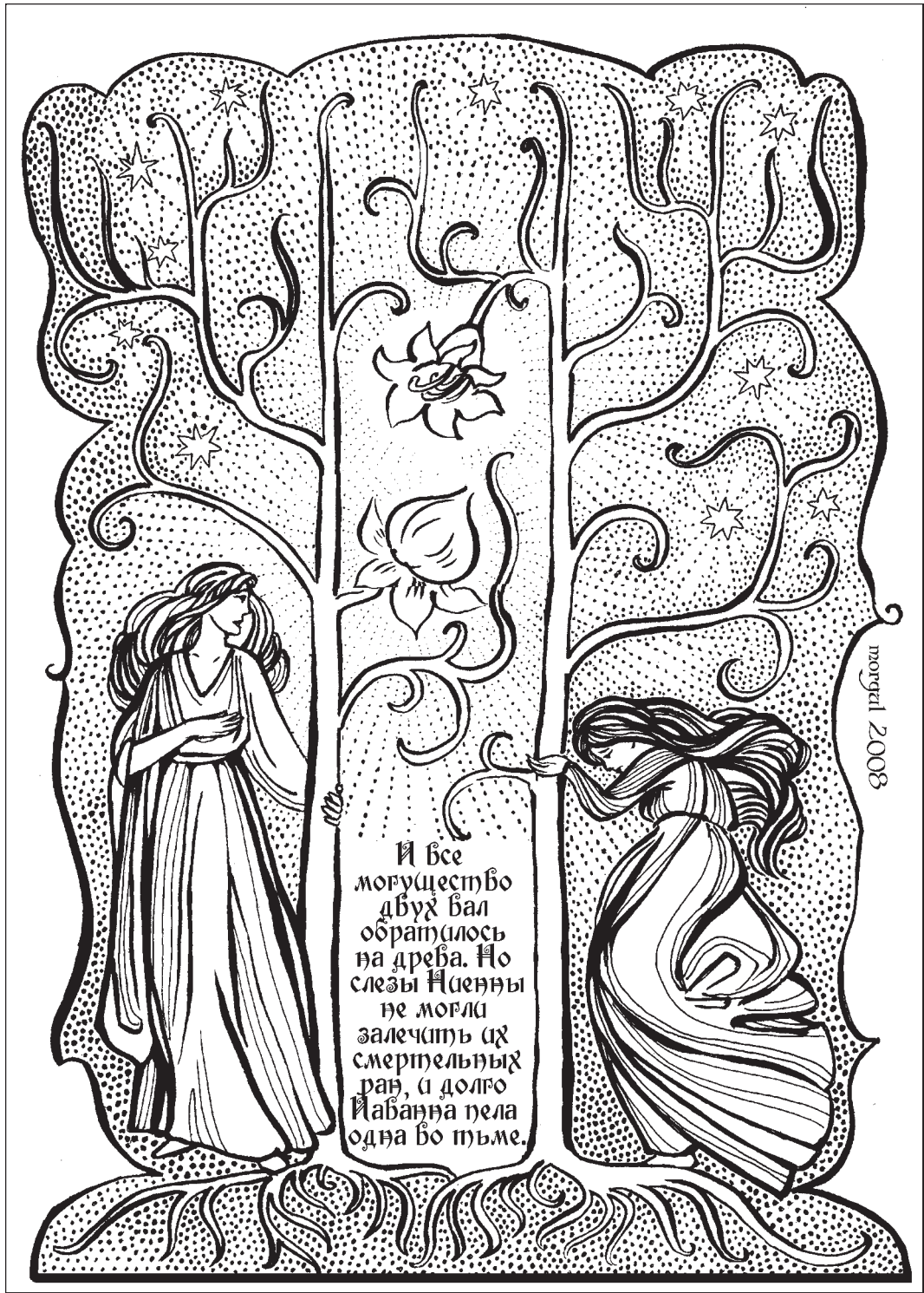

§31 Тогда произнес Мандос прорицание, когда вершили Боги суд в Валиноре, и передавался втайне слух о его словах из уст в уста всеми Эльфами Запада. Когда состарится мир и утомятся Силы, тогда Моргот, видя, что стража спит, возвратится через Дверь Ночи из Вневременной Пустоты, и уничтожит Солнце и Луну. Но сойдет на него Эарендил, как пламя белое и пополающее, и низвергнет его с небес. Затем на равнинах Валинора произойдет Последняя Битва. В этот день сразится Тулкас с Морготом, и по правую руку от него будет Фионвэ, а по левую - Турин Турамбар, сын Хурина, пришедший из залов Мандоса; и принесет черный меч Турина Морготу смерть и гибель во веки веков; и так отмщены будут дети Хурина и все Люди.

§32 После этого Земля будет разрушена и сотворена вновь, и Сильмариллы будут вновь обреты из Воздуха и Земли и Моря, ибо Эарендил сойдет с небес и возвратит то пламя, что хранил долгие годы. И возьмет Феанор Три Самоцвета и вручит их Йаванне Палуриен; и разрушит она их, и огнем их воспламенит Два Древа, и станет великий свет. И Горы Валинора будут сровнены, чтобы Свет был над всем миром. В этом свете Боги помолодеют снова, и Эльфы пробудятся, и все их мертвые воскреснут, и замысел Илуватара о них полностью свершится. Но о Людях в то время молчит прорицание Мандоса, и ни один Человек не поименован в нем, кроме Турина, а ему будет дано место среди сыновей Валар.

И все
могущество
двух вал
обратилось
на древа. Но
слезы Ииенны
не могли
залечить их
смертельных
ран, и долго
Иабанна жила
одна во тьме.

моргел 2008